Коля из села Снегири

Яков Сегель

SHOUT
SHARE
IT

- Сегель Яков

Сегель Яков
Коля из села Снегири

Яков Александрович СЕГЕЛЬ
Коля из села Снегири
Повесть

ОГЛАВЛЕНИЕ:
Глава первая. НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
Глава вторая. КОЛЯ И ГЕНЕРАЛ
Глава третья. ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК
Глава четвёртая. ПРАСКОВЬЯ КУЗЬМИНИЧНА
Глава пятая. МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ
Глава шестая. ДЕРЕВО В ПОДАРОК
Глава седьмая. В БОЙ ЗА РОДИНУ
Глава восьмая. ВСТРЕЧА В ТИШИНЕ
Глава девятая. ПОД СТУК КОЛЁС
Глава десятая. КЕМ СТАТЬ?
Глава одиннадцатая. КОЛЯ-ЛЁТЧИК
Глава двенадцатая. НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК
Глава тринадцатая. ПИСЬМО
Глава четырнадцатая. ОТВЕТ С РОДИНЫ
Глава пятнадцатая. В ГОРОДЕ ВЕНЕ
Глава шестнадцатая. ОРДЕН
Глава семнадцатая. ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Глава первая
Николай Яковлевич

Жил да был на свете мальчик Коля Исаев. Сначала его мало кто знал ну там, мама с папой, дедушка с бабушкой, тёти с дядями... Ну, может, ещё соседи.

Потом Коля подрос немного, стал играть с другими ребятами, захаживать к ним в гости, и тогда с Колей Исаевым познакомилась вся его деревня.

Когда маленький Коля выходил погулять, он, чтобы выглядеть взрослым, нахлобучивал себе на голову отцовский картуз.

Картуз был ему велик, и Колина голова, наверное, вся проскочила бы внутрь, но мешали уши и нос. Картуз держался на ушах, а Коля солидно шёл по деревенской улице и со всеми здоровался за руку:

- Здорово, дядька Ермолай!..

Или:

- Здорово, тётка Наталья!..

И все ему охотно пожимали руку и называли на "вы":

- Здравствуйте, Николай Яковлевич!..

- Как дела, Николай Яковлевич, что новенького?

А потом он подрос ещё немного и стал ходить в соседнее село в школу. Тут с ним познакомились учителя и одноклассники.

Ой как давно это было!

А в 1941 году на нашу страну напали немецкие фашисты, началась война, и всё у всех людей получилось совсем не так, как они этого хотели. Конечно, все они хотели разного, но хорошего, а досталось всем разное, но плохое.

Одно было общее - желание отстоять свою Родину и победить фашистов.

Глава вторая

Коля и генерал

Были мы тогда очень молодые. Конечно, не такие, как ты, а немного постарше - лет восемнадцати-девятнадцати. Мальчишки и девчонки уже называли нас дядями, а настоящие дяди по-прежнему считали мальчишками.

Хоть мы тогда и были уже солдатами, но на нас ещё не успели надеть солдатскую форму. Мы стояли кто в чём: в пальто, в куртках, в пиджаках, в стёганках, в плащах, а чтобы хоть немного быть похожими на военных, перепоясались сверху брючными ремешками.

На большом поле построили всю нашу воздушно-десантную бригаду - и опытных десантников, и нас, новеньких, - всего четыре тысячи человек.

Вообще, это - военная тайна, сколько в бригаде народу, но с тех пор прошло уже много лет, и тайна эта, я думаю, давно перестала быть тайной. А кроме того, надеюсь, что ты её никому не расскажешь. Да и бригады сегодня стали совсем другими, и я даже сам не знаю, сколько в них человек, - это уже новая военная тайна.

Было довольно холодно и сыро, но настоящий солдат должен уметь стойко переносить и холод, и голод, и сырость, и жару, и всякие другие трудности, потому что на войне разное бывает. И мы терпели. Стояли и терпели, только незаметно постукивали нога об ногу, чтобы было не так зябко.

А вдоль строя бригады шёл генерал. Он был нашим командиром и теперь хотел познакомиться с нами поближе, потому что воевать на фронте легче, когда рядом с тобой те, кого знаешь и на кого надеешься.

Он шёл, вглядываясь в наши молодые лица, а мы

вглядывались в него.

"Мальчики... - думал про себя генерал. - Совсем мальчики..."

Генерал хмурил брови, и мы решили, что он сердитый, а он разглядывал нас очень внимательно и незаметно вздыхал: скоро этих мальчиков он поведёт в бой, в котором кто-то из них погибнет, так и не успев стать взрослым. Даже научиться стрелять как следует не успеют... Мальчики...

Генералу совсем недавно исполнилось тридцать восемь лет, и по этой причине он считал себя стариком, хотя сам ещё любил поиграть в футбол, побегать на лыжах, побороться с товарищами, пошутить, побаловаться и никаким стариком пока что не был, а просто был постарше своих солдат и как их командир должен был о них заботиться. Недаром солдаты часто называют своих командиров "батя", что значит - отец.

"Эх, кормить бы их сейчас получше, - думал наш "батя", - а то вытянулись, как жерди, но и худющие тоже, как жерди..."

На голове генерала была надета генеральская фуражка со звездой, и на погонах - по большой звезде, а на широкой генеральской груди, на кителе Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Генерал шёл вдоль строя бригады, останавливался против каждого батальона и громко произносил:

- Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

А те, против кого он останавливался, набирали в грудь побольше воздуха и в один голос отвечали:

- Здравия желаем, товарищ гвардии генерал!!!

А он снова шёл дальше и снова здоровался.

Так он дошёл до нас, остановился, приложил ладонь к козырьку и тоже поздоровался. Но не успели мы набрать в грудь побольше воздуха, чтобы ответить ему: "Здравия желаем, товарищ генерал!", как из самого заднего ряда, где стояли те, что поменьше ростом, вдруг кто-то звонко, по-мальчишески крикнул:

- Здорово, дядька!..

Генерал даже вздрогнул от удивления, даже опешил, ведь так в армии здороваться не полагается. Но он и виду не показал, что растерялся, а спокойно спросил:

- Это кто же меня дядькой назвал?

- Я! - раздался голос из самого заднего ряда.

Генерал подумал: рассердиться ему на этот голос или не стоит? Но сердиться на первый раз не стал, а сказал:

- Интересно! Это что за племянничек у меня объявился?

Из строя вышел небольшой солдатик и стал перед генералом. Нос этого невысокого солдата приходился как раз против Золотой Звезды на груди генерала.

Ты уже, наверное, догадался, что этим солдатиком был Коля Исаев? Пальто было ему великовато, топорщилось, кепка висела на оттопыренных ушах, а из-под большого козырька виднелся нос кнопкой, весь покрытый веснушками.

- Видали, какой? - спросил генерал у офицеров, которые окружали его. - Выходит, я - его дядька. - И он громко рассмеялся.

За генералом засмеялись офицеры, что были рядом, за офицерами солдаты, что стояли поближе, за ними - солдаты, что стояли подальше и даже не видели, по какой причине смеются их соседи, потом смешно стало даже тем, кто стоял совсем далеко, и скоро стала хохотать вся наша бригада. А когда громко хохочет сразу четыре тысячи молодых парней, то даже облака на небе разлетаются в разные стороны и начинает ярко светить солнце.

От смеха всем стало жарко, а у генерала на глазах выступили слёзы. Но он утёр их платком и спросил солдата:

- И как же вас величать прикажете, дорогой племянничек?

Коля поправил кепку, которая всё время сползала ему на нос, и солидно представился:

- Исаев Николай Яковлевич.

- Выходит, мы тёзки! - обрадовался генерал. - Я тоже Николай Яковлевич. Значит, будем воевать вместе. А теперь, гвардии рядовой Исаев, кру-гом! На своё место, шаго-ом марш!

И Николай Яковлевич занял своё место в солдатском строю.

Так они впервые познакомились - два Николая Яковлевича - гвардии рядовой Исаев и гвардии генерал-майор Зубарев.

Глава третья

Первый прыжок

Прошло довольно много дней, прежде чем Коля совершил свой первый прыжок с парашютом.

В то утро он проснулся очень рано. Лежал вместе с другими солдатами в землянке на нарах, смотрел в потолок и думал.

Ты можешь спросить, а что такое нары? Пожалуйста, расскажу.

Вот ты спишь на удобной кровати, голову кладёшь на мягкую подушку, лежишь на белой простыне, укрытый тёплым одеялом, да ещё мама перед сном тебя поцелует и скажет:

- Спокойной ночи! Спи, детка, спи!

А у солдата во время войны ничего этого не было: ни подушки, ни простыни, ни одеяла и даже кровати у него не было - были нары, а мама жила где-то далеко от него и только очень за него волновалась.

А нары... Нары - это такой большой жёсткий настил из грубых досок сразу на десять человек. Чтобы было хоть немного помягче, солдаты клали на доски колючие еловые ветки, а сверху немного

сена, поверх сена они стелили одну шинель, а второй накрывались вместо одеяла. Поэтому и спали солдаты по двое: шинель одного - вместо простыни, шинель второго - вместо одеяла. А вместо подушки - кулак под щёку.

Николай Яковлевич спал под одной шинелью с другим солдатом, которого все в шутку называли Селёдкиным. Вообще-то фамилия этого солдата была Карасёв, но был он такой длинный и худой, что его прозвали Селёдкиным, ведь селёдка тоже рыба...

Проснулся Николай Яковлевич и сразу вспомнил, что сегодня ему предстоит первый раз в жизни прыгать с парашютом. Вспомнил и заволновался.

Когда-то давно, в детстве, он храбро прыгал и со стула, и со стола, и даже со шкафа, прыгал с высокой ветки в пруд, прыгал с крыши своей избы в снежный сугроб, с сарая - в сено, прыгал на лыжах с небольшого самодельного трамплина, но с парашютом из-под самых облаков - никогда. И ему стало страшно!

Вообще прыгать с парашютом всем страшно, даже очень храбрым людям. Только храбрые никому не говорят об этом, а делают смелое лицо и... прыгают, а трусливые люди в это время дрожат, как зайцы, и стараются как-нибудь увильнуть от прыжков, например, говорят, что у них болит живот, или голова, или ещё что-нибудь, а на самом деле у них ничего не болит, просто они боятся.

Чтобы никто не догадался, что ему страшно, Николай Яковлевич решил весь день перед прыжками улыбаться, но только он так решил, как тут же почувствовал, что рядом с ним под шинелью дрожит солдат Карасёв, которого все называли Селёдкиным. Коля услышал даже, как у этого Селёдкина стучат зубы. Тут он вспомнил, что Селёдкин тоже сегодня должен будет первый раз в жизни прыгать с парашютом и, наверное, поэтому дрожит от страха.

"Трус!" - подумал Николай Яковлевич и от этого сам стал бояться немного меньше.

Николай Яковлевич решил подремать ещё немножко и, может быть, досмотреть сон про то, как он в детстве пошёл собирать грибы и заблудился в лесу.

Но только он стал засыпать, как дневальный закричал:

- Подъём!

И Николай Яковлевич в одну секунду спрыгнул с нар, потому что команда "Подъём!" в армии означает, что надо тут же проснуться, за несколько секунд одеться и стремглав выскочить на улицу.

Чтобы быть сильным, здоровым и ловким, солдат в первую очередь делает физкультурную зарядку. И зимой, и летом, и в

жару, и в мороз, и в дождь, и когда нет дождя - каждое утро солдат пятнадцать минут бегает, прыгает, гнётся по-разному, подтягивается на турнике, скачет через "коня" и всё это делает без рубашки и поэтому никогда не простуживается.

В то утро Николай Яковлевич особенно бодро бегал, и никто из солдат или офицеров даже подумать не мог, что он боится прыгать с парашютом.

А трусливый Селёдкин трусил за ним вялой трусцой и только и думал, какую бы ему придумать неправду, чтобы увильнуть от прыжков.

Потом солдаты умылись хорошенько, почистили зубы и с песней пошли завтракать.

Это уж у солдат так заведено: когда они шагают в солдатском строю, они поют солдатские песни. Под такие песни легко шагать в ногу, под такие песни хочется улыбаться, под такие песни ничего не страшно!

...Эх, граната, моя граната!
Мы с тобой не пропадём.
Мы с тобой, моя граната,
В бой за Родину пойдём!
В бой за Родину пойдём!..

Уже в столовой Николай Яковлевич почувствовал, что совсем не хочет есть, но он всё-таки съел всё, что ему дали, потому что хотел быть сильным и побольше вырасти. А солдат Карасёв, который сидел рядом, ничего не ел от страха.

После завтрака солдат Исаев и солдат Карасёв отправились укладывать свои парашюты.

В небе парашют похож на огромный зонтик, под которым на двадцати четырёх тонких верёвочках-стропах висит парашютист.

Стропы эти ещё на земле нужно очень аккуратно уложить все вместе, чтобы потом в воздухе они не запутались и парашют раскрылся легко и быстро и плавно опустил тебя на землю. Но у солдата Карасёва от страха так дрожали руки, что тонкие стропы всё время путались, и он никак не мог уложить их как следует.

- Эх ты! - сказал ему инструктор, - укладчик, который учил солдат укладывать парашюты. - Кто ж так укладывает?! Давай я тебе помогу, а ты смотри внимательно и учись.

Через час солдат Исаев и солдат Карасёв уже шагали по полевой дороге на прыжки. За спиной у каждого на лямках висел уложенный парашют.

Скоро они увидели, как из-за леса поднимается аэростат. Десантники в шутку называли его "колбасой". Он действительно был похож на большую толстую колбасу, только серебряного цвета, под которой на четырёх крепких канатах висела лёгонькая

открытая кабинка. Она была такой маленькой, что в ней еле-еле умещались три парашютиста и инструктор, который следил, чтобы молодые десантники правильно прыгали с парашютом.

Как только Карасёв увидел в небе эту "колбасу", увидел, как из кабинки один за другим выпрыгнули три человека, он тут же сказал:

- У меня болит живот.

В небе спускались три парашютиста.

- Может, отдохнём, - предложил Коля, - и твой живот перестанет болеть. А?..

- Нет, - уверенно сказал Карасёв. - Я свой живот знаю, он теперь долго будет болеть.

- А прыжки? - спросил Коля.

Но Карасёв только руками развёл:

- Подумаешь - прыжки! Если бы не живот, я бы целыми днями только и прыгал! - Он похлопал Николая Яковлевича по плечу. - Ты иди, Исаев, иди, не бойся. А я - к доктору, живот лечить.

"Струсил..." - подумал Коля и, чтобы самому было не очень страшно, сложил губы трубочкой и засвистел весёлую песенку.

Он шёл и смотрел, как за лесом спускаются белые парашюты. Казалось, что кто-то дунул на одуванчик и по ясному небу плывут пушинки, а под ними покачиваются чёрные семечки. Отсюда парашютисты казались такими маленькими, потому что были далеко.

"И я смогу так прыгнуть, не испугаюсь. Что я - рыжий?!" - подумал Коля и громко засмеялся: он вспомнил, что волосы-то у него действительно рыжие. Ему было так смешно, что он даже не услышал, как сзади подъехала машина.

- Чего, гвардеец, смеёшься?

Коля обернулся и увидел... генерала, того самого - Николая Яковлевича. Но теперь он знал, как надо здороваться с генералами. Он шагнул вперёд, вскинул ладонь к пилотке и громко отчеканил:

- Здравия желаю, товарищ гвардии генерал! Рядовой Исаев следует на свой первый прыжок с парашютом!

- Здравия желаю, гвардеец! - ответил генерал и скомандовал: - Вольно!

И Коля стал вольно - одну ногу согнул в колене и даже немного подбоченился.

- Орёл! - с удовольствием отметил генерал и вдруг прищурился: Погоди-ка!.. А мы вроде бы уже встречались. Только когда же это было?..

Коля закрыл глаза, пошевелил губами, посчитал и громко сказал:

- Два месяца и девять дней назад, товарищ гвардии генерал! Весной.

- Да-да-да, точно! Тёзка! - Генерал взял солдата за плечи, посмотрел ему прямо в глаза и спросил: - Ну как, Николай Яковлевич, боишься?

Коля вздохнул и честно признался:

- Боюсь.

- Молодец, гвардеец! - похвалил генерал. - Не потому молодец, что боишься, а потому, что правду сказал.

Генерал оглянулся, как будто их кто-то мог услышать, и тихо признался:

- По секрету говоря, я тоже боюсь.

Коля так удивился, что даже сам перестал бояться.

- Ну! - не поверил он.

- Вот тебе и "ну"! - усмехнулся генерал. - Я уже четыреста девяносто девять прыжков совершил, и каждый раз страшно.

- Ну! - снова удивился Коля и посмотрел на Золотую Звезду Героя на груди генерала.

Генерал усмехнулся:

- Герой - это не тот, кто ничего не боится, а тот, кто побеждает свой страх. Понял? Вот мне, например, страшно, а я улыбаюсь и прыгаю. И ты обязательно прыгнешь! Что ты - рыжий, что ли?!

Тут оба Николая Яковлевича весело расхохотались.

Ну а примерно через час Коля Исаев совершил свой первый в жизни прыжок с парашютом.

Конечно, всё это получилось не так просто.

Пока Коля подходил к серебристому аэростату, к этой самой "колбасе", пока усаживался в тесную открытую кабинку, ему не было страшно. Но когда аэростат поднялся выше самых высоких деревьев, а земля осталась далеко внизу - тогда страх снова вернулся к Коле.

- Пристегнуть вытяжную фалу! - скомандовал инструктор строгим голосом, и Коля пристегнул специальный крючок-карабин за специальное кольцо. Теперь оставалось только ждать команды и прыгать, а уж эта самая фала сама вытянет и раскроет парашют.

Коля вспомнил слова генерала о том, что страх можно победить улыбкой, и... улыбнулся.

- Чему это вы улыбаетесь? - спросил у Николая Яковлевича строгий инструктор. - Вам что - весело?

- Ага, - сказал Коля. - Очень!

- Смельчак! - удивился инструктор и распахнул перед Колей дверцу кабины: - Приготовиться!

Коля встал со скамеечки, ступил на порог, глянул вниз, и у него даже дыхание перехватило: с такой высоты он никогда ещё не видел землю.

Там внизу, далеко-далеко, под ним лежало ровное зелёное поле, немного в стороне стояли малюсенькие, как игрушечные, дома деревни, на лугу паслись малюсенькие коровы, а за лугом рос малюсенький лес, по дороге ехал малюсенький грузовик и шли малюсенькие люди, и было очень-очень тихо, только слегка поскрипывали канаты над головой.

Потом в этой тишине Коля услышал, как где-то прокричал невидимый отсюда петух. Потом он услышал, как заработала какая-то машина: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

И вдруг он понял, что никакая это не машина, а его собственное сердце.

В эту самую секунду инструктор за его спиной громко скомандовал:

- Пошёл!

Коля хотел прыгнуть, но его сапоги как будто приклеились к полу. Тогда инструктор совсем немного помог ему - легонько толкнул в плечо. И Коля полетел вниз.

Глава четвёртая

Прасковья Кузьминична

Все, кто прыгают первый раз в жизни, всегда от неожиданности закрывают глаза. И Коля закрыл и несколько секунд падал как камень, с закрытыми глазами. А потом его вдруг встряхнуло, да так сильно, что он тут же открыл глаза и услышал над головой оглушительный хлопок. Это над ним раскрылся купол парашюта.

И тут же куда-то пропал всякий страх и стало так хорошо, как бывает утром, когда ты только проснулся, а мать уже возится у печи и в избе вкусно пахнет гречневой кашей с молоком или варёной картошкой с укропом.

Сначала Николай Яковлевич услышал какую-то птицу.

"Пиньк-пиньк, пиньк-пиньк!.. - звонко прокричала она, а потом спела свою песню всю целиком: - Фьит-фьит-ля-ля-ви-чиу-кик!"

Это пел зяблик. Пел громко, весело.

Коле даже показалось, что птичка хвалит его:

"Ай да Коля, ты - молодчик! Ай да Коля, ты - смельчак!"

Только Коля улыбнулся, как запела ещё одна певунья:

"Та-ке-та-ке-та-ке..."

Коля тут же вспомнил дедушку, и ему стало ещё веселее.

Когда давным-давно маленький Коля приносил ему свои рисунки, дед очень серьёзно вертел их перед глазами так и эдак,

рассматривал и приговаривал точь-в-точь как эта птица:

- Так-так-так-так...

Коля даже представил себе, что на носу у этой пичуги тоже надеты железные очки, как у его дедушки, под клювом растут рыжие усы, а на макушке светится круглая лысина. Правда, дедушка не мог летать, как птица. Зато он, Коля, летит, да ещё от радости поёт песни.

Ах как хорошо, как приятно было спускаться на парашюте! Сидишь себе в подвесной системе, как в детской люльке, широкие, надёжные лямки крепко и удобно обхватывают тебя со всех сторон, а ласковый ветерок покачивает, как на качелях, - замечательно!

И всё было бы хорошо, но вдруг Коля заметил, что вместо того, чтобы опускаться вниз, он поднимается вверх. Что такое?! Оказывается, Николай Яковлевич был таким лёгоньким, что тёплый воздух от нагретой земли потянул его парашют снова к облакам.

Солдаты, которые уже приземлились, кричали ему снизу:

- Эй, голубь, кончай летать, на обед опоздаем! Давай спускайся!

Коля и сам был бы рад спуститься, но тёплый воздух будто играл с ним и то опускал его почти до самой земли, то снова уносил в поднебесье.

Теперь под Колей оказалось уже не поле, на которое он должен был приземлиться, а какая-то незнакомая деревушка, и опускался он прямо на крыши и, может быть, даже на трубу, из которой шёл дым. Ещё секунда, и Николай Яковлевич съехал по соломенной крыше, как на санках, на краю не удержался и... повис.

Колин парашют, наверное, зацепился там за что-то на крыше, и теперь его ноги болтались совсем недалеко от земли, а нос приходился как раз вровень с окном, из которого чем-то вкусно пахло.

В избе было темновато, но скоро Николай Яковлевич разглядел старушку, которая возилась у печи. А старушка услышала за своей спиной, как зашуршала солома, и обернулась.

- Батюшки! - воскликнула она. - Это кто ж такой объявился?!

- Я, - сказал Коля.

- Откуда же ты такой свалился? - удивилась старушка.

- "Откуда-откуда"... - обиделся Коля и показал на небо: - Оттуда... И не свалился, а спустился.

- Гляди-ко! - не поверила старушка. - А теперь чего делаешь?

- "Чего-чего"... - Коля шмыгнул носом. - Вишу, вот чего.

- Висишь?! - не поняла старушка. - Это как же?! А-яй-яй...

Тут из старушкиного окна на Колю опять пахнуло каким-то очень вкусным запахом.

- А чем это у вас пахнет? - спросил он с интересом.

- Смотри-ко, унюхал! - загордилась старушка. - Борщ это, а ты небось проголодался, касатик? Может, отведаешь его для пробы?

Тут Коля почувствовал, что действительно хочет есть, но признаваться старушке в этом не стал.

- Кушать не буду, спасибо, - вежливо сказал он. - А вот если бы попить чего-нибудь...

Добрая старушка засуетилась:

- Сейчас, милый, сейчас, касатик!.. Повиси немного, подожди.

Она принесла Николаю Яковлевичу деревянный ковшик с водой.

- Пей, милый, это колодезная вода, студёная. - Она поглядела на стропы, уходящие на крышу, и посоветовала: - А ты бы отцепился, а? Тебе б и пить было свободней.

- Ох, - печально вздохнул Коля и посмотрел тоже наверх. Ему очень не хотелось лезть сейчас на крышу и приятно было покачиваться перед окном, из которого так вкусно пахло...

"Вот бы поесть сейчас..." - подумал он и даже облизнулся. Старушка, конечно, тут же поняла, о чём Коля думал.

- А может, всё-таки немного поешь моего борщика, а?.. Он у меня хоть и без мяса, но уж так удался, так удался! - Она причмокнула и даже зажмурилась. - Поешь, милый, поешь, сынок! Глядишь, и силы у тебя прибавится, и отцепиться сумеешь... Не обижай старуху, попробуй немного постненького, не побрезгуй!

- Ну что с тобой делать, бабуся, - вздохнул Николай Яковлевич, будто совсем и не хотел есть. - Плесни малость, попробую.

Коля не заметил, как съел полную миску этого борща, да такого вкусного, какого он сроду не пробовал. Ну, старушка тут же добавила ещё полмиски, а когда Николай Яковлевич и с ней разделался, подала ему полную миску гречневой каши.

- Ешь, богатырь, на здоровье! - Она полюбовалась, как молодой солдат уплетает её кашу, и спросила: - Тебя как звать-то?..

- Николай Яковлевич Исаев... Коля, - ответил солдат. Он доел, облизнул ложку, вздохнул, как после тяжёлой работы, сказал спасибо и тоже поинтересовался: - А тебя, бабка, как звать?

- Звать Прасковьей, по батюшке Кузьминична, фамилия - Пухова, устанешь, пока всё скажешь. А ты зови меня просто - тётя Паня, а я тебя стану - Миколкой. Родные так тебя звали?

Коля молча кивнул.

- А ты сам откуда будешь? - поинтересовалась Прасковья

Кузьминична.

Коля махнул рукой на восток, откуда обычно поднималось солнце.

- Село Снегири слыхала? - сказал Коля и сам про себя пошутил: - Коля из села Снегири. Мы там всей семьёй жили: мать с отцом, сестрёнка, я...

- Пишут? - спросила тётя Паня.

Но Николай Яковлевич только грустно покачал головой.

- Нет. Они все - и мать с отцом, и сестрёнка - на лето к бабушке с дедушкой поехали, проведать. А мы с классом отправились в поход на лодках... - Коля вздохнул. - А тут война... Они там, - он махнул в ту сторону, куда заходило солнце, - а я - здесь и даже не знаю, что с ними... Там теперь немец.

После этого разговора Коля не захотел больше отдыхать перед окном Прасковьи Кузьминичны. Он в одну секунду отцепился от подвесной системы. Потом быстро слазил на крышу и отцепил там свой парашют.

- Ты заходи ко мне ещё, если сможешь, - попросила тётя Паня.

- Зайду, - пообещал Коля. - Может, и помогу чем... Дров там напилить или ещё чего...

- Чем ты поможешь? - вздохнула старушка. - Сынка Петю с фронта не воротишь, пока война. Мужика моего и подавно, погиб он. А дров напилить?.. Так где они - те дрова? В лесу... - Тут она улыбнулась сквозь слёзы и добавила: - А свалишься другой раз ко мне на крышу, всегда рада буду. Я тебя тогда блинками с киселём угощу.

Глава пятая

Меткий выстрел

Фашистский танк полз по краю поля.

В свой прицел Коля отчётливо видел чёрный крест, нарисованный на сером боку вражеской машины.

- Ну погоди!.. - прошептал солдат сквозь сжатые зубы, и бах-бах-бах!.. - трижды выстрелила его маленькая противотанковая пушка-сорокапятка, трижды подпрыгнула в воздух, как лягушка, и трижды вместе со своей пушкой подпрыгнул Коля Исаев, так крепко он вцепился в неё, пока вёл огонь по фашистским танкам.

Правда, танки эти были не настоящие, а деревянные, по которым молодые артиллеристы ещё только учились стрелять, чтобы потом на фронте бить настоящие вражеские танки без промаха.

- Первое орудие отстрелялось! - крикнул Коля хриплым от волнения голосом, и все побежали смотреть, сколько снарядов попало в цель.

Коля ещё никогда в жизни так быстро не бегал, ему очень хотелось поскорее увидеть, сколько раз он попал в танк. И пусть сегодня этот танк ещё не настоящий и фашистский крест на его боку нарисовал сам Коля пусть! Но если сейчас он метко попал в деревянный, то потом на фронте он сумеет подбить настоящий танк, тот, который ползает сейчас по нашей земле, - стальной, бронированный вражеский танк.

Назад, к пушке, Коля бежал ещё быстрее. Сейчас он доложит своему командиру, что попал... попал...

- Наводчик первого орудия - ко мне!

Коля обернулся и увидел... генерала. Тот приехал посмотреть, как стреляют молодые артиллеристы, чему они успели научиться.

Николай Яковлевич тяжело дышал от бега, но подошёл к генералу, как положено, строевым шагом и громко доложил:

- Товарищ гвардии генерал, наводчик первого орудия Исаев по вашему приказанию прибыл!

Коле очень хотелось сразу похвалиться, что он попал в танк всеми тремя снарядами.

- Сколько раз стреляли?

- Три раза, - радостно доложил Коля. - И три дырки!

- Не дырки, - поправил генерал, - а попадания.

Лицо у генерала было строгим, и Коля уже решил, что тот на него сердится, но генерал сказал:

- Молодец, гвардеец!

Коля чуть не подпрыгнул от радости. Ему захотелось закричать что-нибудь весёлое, ну там "О-го-го!..", или "Э-ге-ге!..", или просто "Ура-а-а-а!!", но он сдержался и только ответил генералу, как это и положено настоящему гвардейцу:

- Служу Советскому Союзу!

Генерал усмехнулся:

- Ну а вон в то дерево попадёшь?

Старое сухое дерево торчало на краю поля. На нём не было ни листочка, вся кора облетела, а ветер и солнце высушили его ствол и сделали серым.

"Вот бы его бабке Пане - на дрова..." - подумал Коля.

- Ну так как, гвардеец, попадёшь?

Николаю Яковлевичу, конечно, очень хотелось показать генералу свою меткость. Ну а вдруг он промахнётся?..

- Решайся, тёзка, - подзадоривал генерал. - Попадёшь - что хочешь проси!

Теперь генерал говорил громко, чтобы все слышали.

- Что хочешь? - переспросил Коля и прищурился, глядя на далёкое дерево. Он уже даже придумал, что попросит, если попадёт.

- Что хочешь, - подтвердил генерал. - Решайся!

- А если не попаду? - Коля облизнул губы. - Что мне будет?

Генерал пожал плечами.

- Ничего не будет. Обидно будет.

И Коля решился.

Он присел на станину и, прижавшись к прицелу, стал нацеливать пушку на дерево - аккуратно поворачивал маховички, и ствол пушки послушно двигался то немного вправо, то влево, то вниз, то вверх. Спина у Николая Яковлевича стала мокрой.

"Ага, - соображал он, - ветер дует в правую щёку и сдует снаряд влево... Значит, мы выстрелим чуть правее, и тогда ветер сдует снаряд точно в дерево. Так... Что ещё?.. До дерева - метров девятьсот... А мы выстрелим на два деления повыше, пока снаряд долетит, он как раз и опустится на сколько нужно".

Генерал стоял в стороне и спокойно покусывал травинку, но на самом деле волновался и очень хотел, чтобы Коля свалил дерево.

А Коля навёл наконец свою пушку и повернул к генералу бледное лицо:

- Стрелить?

Коля даже не заметил, что произнёс это слово так, как когда-то произносил его дед.

А генерал сделал вид, что не услышал Колиной ошибки, и скомандовал специальным, артиллерийским голосом:

- Огонь!

Раздался выстрел, пушка подпрыгнула вместе с Колей, и снаряд улетел к дереву. Шли секунды, но оно продолжало стоять, как стояло.

"Мимо... - понял Николай Яковлевич. - Промазал..."

Он закусил губу, лоб его сморщился, и стал солдат Исаев похож на того самого маленького Колю, который вот-вот готов был заплакать от какой-то большой обиды.

Никто над ним не стал смеяться, а все занялись своими делами. Генерал тоже отошёл к офицерам и сейчас разговаривал с ними о чём-то.

"Как же так? - думал Коля. - Я же так хорошо целился. Я же не мог не попасть. Ну дерево, ну миленькое! Ну упади, пожалуйста!.. Ну дерево!.."

Тут дунул ветер, и в следующее мгновение Коля заорал что было силы:

- Падает! Падает!! Падает!!!

Все обернулись, и на глазах у всех старое, сухое, серое дерево грохнулось оземь.

Больше других растерялся Коля, ведь получилось, будто

старое дерево услышало его просьбу.

Но на самом деле вышло вот как: Колин снаряд попал в самую середину ствола и дерево ещё несколько секунд устояло, но потом ветер дунул посильнее и...

- Упало... - прошептал Коля так тихо, что никто даже не услышал. И тогда солдат Исаев набрал в грудь побольше воздуха, стал по стойке "смирно" и громко доложил:

- Товарищ генерал, цель поражена!

Глава шестая

Дерево в подарок

Вечером того же дня перед домом Прасковьи Кузьминичны остановилась грузовая машина.

- Сынок! Милый! - обрадовалась хозяйка. - Не забыл старую! Заходи, касатик! Уж я так рада, так рада! И блинков горячих как раз отведаешь.

Но хоть Коле очень хотелось отведать этих блинков, он отказался:

- Некогда, бабка Паня, дел много. Куда сгружать? Я для вас специально дерево подстрелил.

Когда же часа через два Коля с товарищами напилил и сложил сухие дрова у сарая, он вытер мокрый лоб и сказал:

- Ну, думаю, тут года на полтора хватит, а там, глядишь, и война кончится, и сын твой Петя домой воротится.

- Дождаться бы только, - вздохнула Прасковья Кузьминична и низко поклонилась Коле и его товарищам: - Ой, сыночки! Прямо и не знаю, что бы я без вас делала! Спасибо вам.

- Вы идите, - сказал Коля своим товарищам, - предупредите старшину, что я тут немного задержусь, ещё чем-нибудь помогу.

Солдаты ушли, а Прасковья Кузьминична развела руками:

- А мне, Миколка, ничего не надо, честное слово.

Но Николай Яковлевич оглядел двор по-хозяйски и сказал:

- А вон у тебя, бабка Паня, крыльцо покосилось, так я его сейчас подправлю, ступенька сломана, так я починю. Есть топор?

Топор у бабки нашёлся, и Коля принялся за работу.

В Колиной родне все мужики были плотниками: отец - плотник, дядьки плотники, и дед - плотник, и прадед, и даже прапрадед. А уж как Николай Яковлевич работал, так это просто любо-дорого было смотреть! Про него даже говорили, что он не работает топором, а художничает - не смотри что молодой!

И чего он только не умел этим топором!

Мог, например, из доски сделать игрушечную лодочку, которая потом плавала по луже или по ручью, как настоящий корабль, или, пожалуйста, из простого берёзового полена смастерить медведя, который колет дрова; плясуна, который,

если дёргать за верёвочку, будет смешно болтать ногами; журавля, который пьёт из колодца, или кошку, которая играет с мышкой.

А теперь Николай Яковлевич чинил бабкино крыльцо.

Смотреть было приятно, как он работал: топор в его руках звенел, как чудесный инструмент в руках хорошего музыканта.

- Всё! - весело крикнул Николай Яковлевич и утёр со лба пот. - Всё, бабка Паня, принимай работу!

Бабка Паня взошла на крыльцо - оно стояло ровно. Старушка топнула ногой по ступеньке - ступенька держалась крепко. Прасковья Кузьминична подёргала перила - свежевыструганные перила не шелохнулись. И бабка вдруг... заплакала.

- Ты чего? - удивился Коля.

- Ой, сыночек! - почти неслышно прошептала старая. - У моего мужика тоже были руки золотые, всё умел. А теперь даже не знаю, где его могила. И Петю моего по разным землям война носит - был бы жив только да фашистов проклятых побили бы мы поскорей!

- Теперь недолго осталось, - успокоил её Николай Яковлевич. - Скоро и мы на фронт уезжаем. Так что теперь всё, считай, конец фашистам. Жди нас с победой!

Коля не мог тогда знать, что война протянется ещё почти два года и что с Прасковьей Кузьминичной он не увидится больше никогда.

Глава седьмая

В бой за Родину

И вот однажды нас и наших командиров погрузили в самолёт, снизу под самолётом подвесили две противотанковые пушки-сорокапятки, и мы поднялись в воздух.

Сейчас Николай Яковлевич волновался больше всех нас: он летел в те самые края, где жили его дедушка и бабушка, а сейчас и вся его семья, о которой он уже давно ничего не знал.

За маленькими окошками самолёта ровно гудели моторы.

Сквозь тёмную ночь невозможно было разглядеть землю.

Кабину самолёта еле-еле освещала неяркая синяя лампочка. Хотя была глубокая ночь, спать никому не хотелось.

Мы сидели на длинных металлических скамейках друг против друга, и каждый думал о своём, вспоминали всё, о чём можно вспомнить, но не грустно, а с улыбкой.

Солдат Новосёлов, например, вспомнил, как однажды полез в чужой сад за яблоками, но зацепился штанами за изгородь. Его поймали, надрали уши, хорошенько отшлёпали, но потом сами дали яблок и отпустили. Ах, как сейчас приятно было об этом вспоминать!

А сержант Вася Лобач вспомнил, как он по утрам гнал свою корову в колхозное стадо, а вечером встречал её, и мама поила его, и котёнка Барсика, и щенка Филю тёплым парным молоком.

А солдат Наделин вспомнил, как его мама однажды вместо папы нарядилась на Новый год Дедом Морозом и старалась говорить басом, и это получалось у неё очень смешно. Но Наделин не мог улыбаться: его мама сейчас жила в городе Ленинграде, окружённом со всех сторон врагами, и он знал, что ей там приходится голодать и мёрзнуть вместе со всеми жителями.

Солдат Иван Шадрин вспомнил, как однажды в детстве они с отцом пошли в лес собирать грибы и попали в сильнейшую грозу. Сверкала молния, гремел гром, и негде было укрыться.

- А ты, сынок, посвистывай, - посоветовал отец. - Подумаешь, гроза!..

Ваня стал посвистывать, и действительно ему сделалось не так страшно. А скоро и гроза прошла.

Но сейчас в самолёте свист у Вани получился не очень хорошо. То ли губы у него от волнения пересохли, то ли от холода плохо складывались в трубочку, но выходило, что он не свистит, а шипит. И всё равно Ваня с удовольствием вспомнил, как после той грозы пошел тёплый дождь, как вернулись они тогда с отцом из леса мокрые-мокрые.

Только Ваня вспомнил ту грозу, как вдруг за окном самолёта сверкнула молния и ударил гром. Почти тут же сверкнула вторая молния и опять загрохотало. И ещё... И ещё... И ещё... Но это уже была не гроза.

Тут впереди кабины открылась небольшая дверь, и к нам вышел лётчик огромного роста. Голос у него оказался сильнее гула моторов и даже грозы за окном. Лётчик улыбался.

- Спокойно, хлопцы! - сказал он. - Пролетаем над линией фронта. Ничего особенного, мы - высоко, фашисты в нас не попадут. - Он ещё шире улыбнулся и добавил весело: - Будем живы - не помрём, а помрём - так спляшем!

От этой улыбки лётчика, от его шутки и нам, молодым солдатам, стало немного спокойнее. А тут ещё самолёт, видимо, уже пролетел линию фронта, и разрывы зенитных снарядов за окном прекратились. И снова только мерно гудели моторы. Правда, теперь за окнами было уже не так темно. Начинался рассвет.

Рассвет - самое удобное время для высадки десанта. В сером небе парашюты почти незаметны.

...И опять Коля Исаев повис на чём-то, не долетев до земли. Только теперь его парашют зацепился не за трубу, как тогда,

когда он познакомился с Прасковьей Кузьминичной, а за верхушку высокой сосны. Тут Коля, конечно, не стал ждать, пока его накормят борщом и кашей, а поскорее освободился от подвесной системы и спустился на траву.

Откуда-то справа закричала кукушка, но Коля знал, что это никакая не кукушка, а солдат Новосёлов подаёт условный сигнал. Коля тоже крикнул: "Ку-ку!.." Слева по-птичьи свистнул солдат Васильченко, сзади, как филин, гугукнул Вася Лобач, и скоро весь наш артиллерийский взвод десантников истребителей танков - снова собрался вместе.

Недалеко на поле мы отыскали одну свою сорокапятку, вторую нашли в кустах у ручья. Обе спустились сюда на огромных грузовых парашютах.

Вскоре к нашему взводу присоединился взвод пехотинцев. Мы знали, что где-то справа и слева в эти минуты приземлилась на парашютах вся наша гвардейская бригада.

Теперь мы были силой, теперь можно было воевать.

Артиллеристы с пехотинцами, пока еще не совсем рассвело, должны были захватить небольшую деревушку, а утром, когда наши войска начнут наступление с фронта, преградить отступающим фашистам дорогу через эту деревню.

Для врага это, конечно, окажется полной неожиданностью, и в испуге он побросает всю свою технику, лишь бы уйти от окружения.

Но сначала надо было занять эту деревню.

Солдаты двигались так незаметно, что никакой самый зоркий вражеский часовой не мог даже догадаться об их приближении.

Коля волновался больше всех - он вызвался показывать дорогу, потому что знал эту деревню очень хорошо, здесь жила его родня: бабушка с дедушкой, двоюродный брат Толик с родителями. Как раз два года назад, перед самой войной Коля приезжал сюда погостить. Здесь он подружился с местными ребятами, ходил с ними в лес по грибы и по ягоды, купался в реке Бухчилке, с пригорка запускал с ними воздушного змея...

Вон он, этот пригорок...

Сейчас за кустами станет виден первый деревенский двор с домом, где жили дед Никанор и бабка Пелагея. Сейчас... Сейчас... Потом покажется дом Бобковых. За ним - Ляховых. Надо только миновать эти кусты и подняться на пригорок... Сейчас...

Поскорее бы увидеть свой дом!

Коля выполз на пригорок и... остановился, ничего не понимая.

Там, где должна была быть деревня, её не оказалось. Не было дома деда Никанора и бабки Пелагеи, не было дома Бобковых,

дома Ляховых, и дома его дедушки и бабушки тоже не было. Там, где раньше стояли эти дома, теперь торчали одни чёрные, закопчённые печи, а вокруг них в сером пепле валялось то, что не могло сгореть, - железные погнутые кровати, помятые самовары, разбитые чугунки, обломки швейных машин. И ни одного живого человека.

Стояла тяжёлая тишина, какая может быть, если плотно зажать ладонями уши. Ни звука, ни голоса, ни скрипа - ничего.

И вдруг Коля услышал быстрые, глухие удары - тук-тук, тук-тук, тук-тук!.. Это стучало его сердце. Как тогда, когда он в первый раз прыгал с парашютом.

Потом Коля услышал тяжёлое дыхание своих товарищей, они втащили сюда на пригорок пушку и теперь молча смотрели на то, что когда-то было деревней.

Неожиданно они услыхали человеческий голос:

- Сынки...

Сначала солдаты не видели никого.

- Сынки, тута я...

Теперь они разглядели старика. Он лез к ним из подвала.

Дома фашисты сожгли, но остались ямы погребов, и в одной из таких ям прятался дед Савелий.

Николай Яковлевич узнал его сразу, хотя тот очень похудел и зарос седой щетиной.

- Дядька Сава, - негромко спросил Коля, - это ты, что ли?

Дед вздрогнул. Никто из этих молодых солдат не мог знать, как его зовут. Он обвёл всех покрасневшими от дыма глазами и вдруг часто заморгал.

- Миколка?.. - неуверенно проговорил он, и из глаз его потекли слёзы. Дед Савелий потрогал солдата худыми пальцами, будто не верил, что перед ним стоит живой Коля Исаев. - Миколка... - всхлипнул старик и приткнулся к плечу солдата.

Коля хотел спросить у деда Савелия, где сейчас его дедушка и бабушка, где мать с отцом, сестрёнка, двоюродный брат Толик, соседи, где все жители деревни, - хотел и боялся услышать про них страшное.

Но старик сам, не дожидаясь, пока его спросят, махнул рукой, и Коля понял, что всех его родных - и больших и маленьких - фашисты убили.

У Коли перехватило горло, стало трудно дышать, и он чуть не потерял сознание.

- Всех?! - глухо спросил он. Коля даже не мог поверить, что такое могло стрястись.

Дед молча кивнул.

Потом поманил к себе Колю скрюченным чёрным пальцем.

Он хотел сказать ему что-то по секрету, чтобы никто не слышал.

- Всех поубивали... - прошептал он. - Один я зачем-то жив остался. Дед Савелий опасливо оглянулся - он теперь всех боялся - и сказал совсем тихо: - И брат твой двоюродный вроде живой, а там кто его знает...

Тут разговор с дедом оборвался. С той стороны, откуда всходило солнце, стала слышна орудийная канонада. Это наша армия пошла в наступление, значит, нам надо было торопиться, чтобы как следует встретить отступающих фашистов.

Мы выкатили наши пушки на вершину холма по другую сторону деревни и, даже не передохнув, стали быстро рыть огневые позиции.

Война - это не только опасность, но ещё и труд. Тяжёлый солдатский труд. Солдат должен уметь делать очень многое: рыть землю, как настоящий землекоп, строить землянки и блиндажи, как настоящий плотник, незаметно подкрадываться к врагу, как настоящий охотник. А ещё он должен уметь готовить себе еду, зашивать порванную одежду, чинить сапоги. Сейчас мы были землекопами и, отложив в сторону автоматы, изо всех сил орудовали лопатами. Надо было спешить.

Но вот наконец огневые позиции были готовы, и теперь обе противотанковые сорокапятки притаились в неглубоких ямах, окружённые земляным валом-бруствером. Мы наломали ветки, воткнули их перед пушками так, что они стали совсем незаметными для врага. Зато мы сами могли вести меткий огонь по противнику. Оставалось только ждать, когда тот появится.

За спиной у молодых солдат торчали чёрные печи - всё, что осталось от уничтоженной фашистами деревни.

"Ну, сейчас мы вам покажем, - думал Коля. - Вы дорого заплатите за наше горе".

Как раз в эту минуту на дороге, что вела к деревне, появился первый фашистский мотоцикл с коляской и пулемётом.

- Стреляй! - шепнул солдат Новосёлов, но Коля только помотал головой - он ждал...

А мотоцикл с фашистами подъезжал всё ближе и ближе, и уже можно было разглядеть того, кто сидел за рулём, и второго, в коляске, - пулемётчика.

- Стреляй!

Но Коля не торопился.

Фашистский мотоцикл скрылся за кустами, которые росли внизу под холмом, потом снова показался уже совсем близко, и только тут Коля выстрелил.

Мотоцикла с коляской сразу не стало видно и фашистов тоже. На их месте поднялся столб земли с огнём и дымом, а когда

дым немного отнесло в сторону, стало видно, что мотоцикл горит, а убитые фашисты валяются рядом.

- Это вам за деда с бабкой! - прошептал Коля. - За мать с отцом!.. За сестрёнку!.. За Толика!..

А снизу уже показалась машина с фашистами. Тут Коля не стал дожидаться, когда она подъедет поближе, и, как только заряжающий Шадрин зарядил пушку осколочным снарядом, Коля снова выстрелил. И опять выстрел его был точным - снаряд разорвался в самой гуще фашистов.

А снизу уже наползал фашистский танк. Он двигался осторожно и медленно, потому что по сторонам дороги было непролазное болото.

Коле очень не терпелось подбить вражескую машину, но он успел сообразить, что снаряд его лёгкой пушки не сможет пробить толстую переднюю броню танка. Коля дождался, пока танк повернётся к нему боком, где броня потоньше и послабее, и... только тогда выстрелил. Шадрин тут же зарядил пушку ещё одним бронебойным снарядом, и Коля выстрелил ещё раз. Но фашистский танк продолжал ползти, а его башня с пушкой угрожающе поворачивалась в Колину сторону. И тогда Коля выстрелил в третий раз. Танк дёрнулся, остановился, его башня перестала поворачиваться, и вдруг... вдруг из разных щелей танка потянулся чёрный дымок, сначала тонкой струйкой, потом повалил так густо, что башни не стало видно совсем вражеский танк горел!

Горящий танк перегородил дорогу остальной фашистской технике, и поэтому враг стал бросать где попало свои грузовики, пушки, мотоциклы, вездеходы, бронетранспортёры, а если эта техника пыталась свернуть с дороги, то она вязла в болоте, тонула в трясине.

- Вот вам!.. Вот вам!.. Вот вам!.. - кричал Коля, стреляя из автомата по убегающим фашистам, которые казались ему в эти минуты серыми злыми крысами.

Короткий бой быстро закончился.

Всё получилось именно так, как и задумали десантники: фашисты не смогли пройти через деревню, побросали от неожиданности своё оружие, танки, автомобили, а сами в панике бежали через болота.

И наступила тишина...

Глава восьмая

Встреча в тишине

На войне так бывало: вот всё грохочет, взрывается, горит, а потом наступает тишина, и после взрывов и пальбы, после воя мин и свиста пуль она кажется такой невероятной, эта тишина,

что усталые солдаты даже не могут заснуть.

Но Коля очень постарался и уже стал засыпать, как вдруг услышал:

- Исаев! Исаев! Николай Яковлевич!..

- Я! - крикнул он и моментально вскочил.

- Иди, тут тебя спрашивают!

Колины товарищи смотрели и сначала ничего не могли понять: их боевой товарищ, их Коля Исаев, храбрый наводчик Николай Яковлевич обнимался с другим точно таким же Николаем Яковлевичем.

Просто встретились два брата - Коля и Толя Исаевы. Хоть были они и не родные, а всего лишь двоюродные, но так походили друг на друга, что казалось, будто человек смотрит сам на себя в зеркало. Только Николай Яковлевич был одет в солдатскую форму, а его двоюродный брат Толя по-партизански: ватник, перепоясанный ремнём, сапоги, кепка, за поясом гранаты.

Они со своим отрядом, как и положено партизанам, действовали в тылу врага. Взрывали мосты, жгли склады, пускали под откос фашистские эшелоны.

И вот теперь братья встретились у дома, в котором когда-то вместе жили. Вернее, не у дома, а на том месте, где он когда-то стоял. Теперь от него осталась одна почерневшая печь.

Когда-то эта печь была белой-белой, и их бабушка пекла в ней очень вкусный хлеб с хрустящей корочкой. Тогда всё в доме пахло этим душистым хлебом, над крышей из трубы вился голубой дымок. А вечером вся семья собиралась за столом, и они ели замечательные пироги с малиной и ежевикой, запивая их чаем из самовара. Когда же за окнами делалось совсем темно, бабушка, а когда и дедушка, рассказывали им перед сном какую-нибудь историю или сказку.

Вот она, эта печь, стоит, только почернела от пожара да вокруг ветер носит серый пепел - всё, что осталось от их дома.

- Ну, брат, - спросил Коля, - куда ты теперь?

- Ясно куда, - ответил Толя. - Обратно в лес, к партизанам. Дальше воевать. До победы. А ты?

- И я, - сказал Коля. - До победы.

- Исаев! - позвали партизаны Толю. - Уходим!

- Исаев! - позвали десантники Колю. - Уходим!

Братья обнялись на прощание, но вместо обычного "до свидания" Толя сказал:

- До победы!

И Коля сказал:

- До победы!

Они были очень похожи друг на друга, только одеты по-

разному.

Братья не знали в эту минуту, что больше никогда не встретятся.

Глава девятая

Под стук колёс

С тех далёких дней, когда Коля познакомился с генералом, когда однажды свалился с неба на крышу дома Прасковьи Кузьминичны, а потом специально для неё подстрелил из пушки сухое дерево, с того времени, как Коля совершил свой первый боевой прыжок, побывал в первом бою и подбил первый фашистский танк, и вообще с той поры, когда он был молодым, зелёным солдатом, прошло около года.

Теперь на Колиных плечах красовались уже не гладкие солдатские погоны, а погоны с двумя узенькими полосочками - Николай Яковлевич стал младшим сержантом.

За это время он совершил ещё около тридцати парашютных прыжков, немного подрос и даже начал бриться. Правда, борода и усы росли у него плохо, и старшина Набатов говорил, что растут они у Николая Яковлевича курам на смех, но Коля на него за эту шутку не обижался и продолжал аккуратно два раза в неделю скрести бритвой свои гладкие, румяные щёки. От кого-то он слышал, что если чаще бриться, усы и борода будут лучше расти.

Коля давно уже не смеялся и даже улыбался редко - просто не мог, он часто думал о своих родных, которых погубили фашисты.

Сейчас под ним стучали колёса - Николай Яковлевич со своей гвардейской частью ехал в эшелоне на фронт.

Да, ты ведь ещё не знаешь, что такое эшелон! Ну, поезд знаешь? Так вот, эшелоном называется поезд, в котором едут одни военные со своим вооружением и техникой.

Под вагоном стучали колёса, а Коля вспоминал родных - улыбку отца, руки мамы, очки на лбу деда, бабушку, сестрёнку. Ведь он их больше никогда не увидит.

"Ни-ко-гда... ни-ко-гда... ни-ко-гда..." - стучали колёса.

Кроме того, у Николая Яковлевича очень болел живот, но он никому об этом не говорил, а то ещё подумают, что он испугался фронта. И Николай Яковлевич терпел. Пусть лучше никто не знает.

Но колёса из-под вагона как будто дразнили, как будто приговаривали: "А мы зна-ем... а мы зна-ем... а мы зна-ем... а мы зна-ем..."

Поезд уже давно проехал Украину, перемахнул через границу и теперь катился по румынской земле.

По обе стороны долины высились горы, поросшие лесом.

Иногда поезд забирался так высоко, что чуть не задевал за

облака, которые висели на склонах, цепляясь за кусты и деревья. Воздух в горах был холодным и сырым.

Колю знобило, он плохо себя чувствовал.

Неожиданно зашипели тормоза, вагон дёрнуло, толкнуло, лязгнули буфера, и эшелон остановился.

Колю позвали:

- Младший сержант Исаев!

- Здесь! - бодро выкрикнул Коля так, как будто он ни о чём не грустил и ничего у него не болело.

- Берите оружие, пойдёте дежурить на паровоз.

По железной лесенке Коля поднялся в кабину машиниста и дружелюбно сказал, как обычно говорили в его деревне, когда приходили в гости:

- Здравствуйте, кого не видел!

После яркого солнца, Коля действительно никого здесь не увидел, но потом разглядел двух человек: помоложе - кочегара и постарше - машиниста.

Кочегар, парнишка лет восемнадцати, как и положено кочегару, был в чёрном, замасленном комбинезоне, даже лицо его было в машинном масле и в угольной пыли.

Хмурый машинист лет сорока пяти в чёрной куртке и таких же брюках сидел у небольшого окошка и смотрел вперёд. На голове его была надета огромная фуражка.

Николай Яковлевич даже не удивился. Он уже заметил, что в Румынии любят носить большие, как зонтики, форменные фуражки, отчего люди становятся похожими на грибы.

На Колино приветствие никто не ответил.

"Они, наверное, моего "здравствуйте" не услышали или по-русски не понимают", - подумал он и ещё раз сказал погромче:

- Здравствуйте, кого не видел!!

В сумраке кабины Николаю Яковлевичу показалось, что чумазый кочегар легонько кивнул ему и улыбнулся, сверкнув белыми зубами, но так, чтобы этого не заметил мрачный машинист.

А тот только что-то проворчал в ответ и снова стал глядеть в окошко, ожидая, видимо, когда откроют семафор и разрешат ехать.

- Меня дежурным назначили, - громко сказал Коля. - Не возражаете?.. Маленько посижу с вами, подежурю. Ясно?

Но Коле опять никто не ответил. Он присел на какую-то железную приступочку и спросил:

- Тут не помешаю?

И опять никто не ответил.

Наконец открыли семафор, машинист что-то буркнул

кочегару, потянул за какую-то цепочку, повернул какой-то рычаг, паровоз свистнул, дёрнулся и потянул за собой эшелон.

И снова под Колей застучали колёса.

"По-е-ха-ли... по-е-ха-ли... по-е-ха-ли..." - будто выговаривали они.

А Коля внимательно приглядывался ко всему на паровозе.

"Ага, - замечал он, - значит, если тот рычаг повернуть - паровоз поедет, а если повернуть в обратную сторону - остановится".

В это время машинист ещё немного двинул этот рычаг, и колёса под паровозом застучали новую песенку:

"Едем-едем по-быс-трее... едем-едем по-быс-трее..."

Машинист передвинул рычаг вперёд до отказа, кочегар подбросил в топку угольку, и колёса под Колей затараторили, как бешеные:

"Едем-быстро, очень-быстро! Едем-быстро, очень-быстро! Едем-быстро, очень-быстро!"

Жарко полыхал уголь в топке, в кабине было тепло, паровоз покачивался, как люлька, колёса пели свою песню, и Коля незаметно для себя стал засыпать. Ему казалось, что он покачивается перед окном Прасковьи Кузьминичны и совсем не колёса, а добрая женщина ему поёт:

- Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придёт серенький волчок, Колю схватит за бочок...

Такую же песню пела ему когда-то его бабушка.

Коле даже успело присниться, что к нему подкрадывается большой серый волк, оскалив жёлтые зубы и, видимо, собираясь укусить.

В эту секунду что-то очень громко грохнуло, и Коля тут же открыл глаза.

По-прежнему стучали колёса, но машинист уже не сидел вдалеке у своего окошка, а был совсем рядом. Коле даже показалось, что он хотел схватить его автомат. Сейчас этот машинист определённо напоминал ему волка.

Молодой кочегар у топки, испуганно приоткрыв рот, смотрел то на машиниста, то на Колю. Наверное, он специально стукнул своей лопатой, чтобы разбудить солдата, предупредить его об опасности.

Коля на всякий случай взял в руки свой автомат и спросил у машиниста:

- В чём дело, что нужно?

Мрачный машинист сразу заулыбался, стал быстро говорить что-то по-своему. Сейчас он был очень похож на хитрого волка.

Кочегар из-за его спины подавал Коле какие-то таинственные

знаки, и Коля понял, что машинист затевает что-то недоброе. А тут ещё и колёса будто предупреждали Колю: "Спать не на-до... спать не на-до..."

И он решил, что на этот раз не заснёт ни в коем случае. Но Колины глаза сами собой закрывались, закрывались и закрылись. Закрылись всего на несколько секунд, но этих секунд как раз хватило машинисту, чтобы прямо на ходу выпихнуть молоденького кочегара из паровоза. Коля даже не успел помешать ему, как этот волк перевёл рычаг на полный ход и, пока паровоз ещё не разогнался как следует, выпрыгнул из него сам.

Коля остался на паровозе один, а уголь в топке разгорался всё сильнее и сильнее, и паровоз всё быстрее и быстрее разгонял эшелон.

Коля выглянул в окно, встречный ветер сорвал с его головы пилотку и унёс в конец эшелона. Коля увидел все вагоны до последнего. В них сейчас совершенно спокойно ехали солдаты и их командиры и даже думать не думали, какая опасность нависла над ними. Кто-то спал, кто-то пришивал пуговицу, кто-то писал письмо домой, а кто-то просто смотрел, как мимо него проплывает страна Румыния с лесистыми горами и зелёными лугами...

Эшелон нёсся под уклон всё быстрее и быстрее, и если Коля не сможет сейчас убавить его скорость, притормозить, то вон на том повороте паровоз и вагоны начнут сходить с рельсов, переворачиваться, полетят под откос, и погибнет вся его бригада.

"Всё про-пало... всё про-пало... всё пропало..." - выстукивали колёса. Но только одну секунду Коля был растерян, в следующую - он бросился вперёд, рванул тормоз и повис на том самом рычаге.

Паровозные колёса остановились и даже завертелись назад, залязгали буфера, зашипели тормоза вдоль всего эшелона, вагоны покатились медленнее, медленнее и... остановились совсем.

Эшелон с людьми не доехал до опасного поворота совсем немного.

Стало так тихо, что Коля услышал, как где-то из паровоза капает вода.

Потом раздались голоса, топот сапог, и к паровозу прибежали дежурный по эшелону с несколькими караульными. Они заглянули в кабину и сначала никого там не увидели. Потом услышали чьё-то всхлипывание - в тёмном углу плакал Николай Яковлевич, плакал тихонько, как маленький.

А через несколько минут на паровоз поднялся генерал. Ему уже успели рассказать обо всём, но он сделал вид, будто не заметил, что солдат плакал.

- Жарковато тут! - Он протянул Коле свой носовой платок. - Утрись, гвардеец, вспотел. - И обнял Колю: - Спасибо тебе, сынок!

Ну а потом... потом генерал приказал:

- Наградить младшего сержанта Исаева медалью "За отвагу"!

Глава десятая

Кем стать?

В детстве Николай Яковлевич мечтал поскорее вырасти и стать паромщиком на пароме.

Паром - это такой большой плот из толстых брёвен, на котором через реку с берега на берег могли переплыть сразу два грузовика, четыре лошади с телегами и человек двадцать народу.

Этот паром уже давно бы уплыл вниз, по реке вместе со своим грузом, но его крепко удерживал толстый стальной канат, протянутый через реку.

Сзади на корме парома ворочалось огромное весло-руль. Повернёшь его вправо - и быстрое течение несёт паром к правому берегу, Повернёшь весло-руль влево - и сама река тащит паром к левому берегу.

Маленький Коля любил смотреть, как этим веслом управляет могучий Наум - их паромщик. Всё у него было могучее: и длинные ручищи с огромными мозолистыми ладонями, и жилистая, загорелая шея, и голос, сильный и хриплый, как пароходный гудок.

Когда паромщик Наум здоровался с Колей за руку, тому казалось, что он пожимает лошадиное копыто - такая жёсткая ладонь была у Наума.

Паромщик раза два позволил Николаю Яковлевичу подержаться за весло-руль, и маленький Коля тогда же окончательно и бесповоротно решил стать, когда вырастет, паромщиком.

Но скоро про паром забыли - автомобили, лошади и люди стали переправляться на другой берег по новенькому мосту.

Правда, мост этот получился немного узковатым, и машина с правого берега не могла проехать по нему, пока не пропустит машину с левого берега, но всё-таки мост был лучше, чем старый паром, а могучий Наум сплёл себе из тонких ремешков большой кнут и перешёл в пастухи.

По пути в школу Коля всегда немного задерживался у моста, чтобы поболтать с шофёрами о том о сём, постукать каблуками по шинам, как это делали они, а иногда, если разрешали, то и посидеть в кабине, поскользить ладонями по чёрной гладкости руля.

Там же, у моста, Николай Яковлевич окончательно и бесповоротно решил стать шофёром. Шофёром, и никем другим!

Но через год, когда он однажды увидел высоко в небе самолёт, его мечта снова круто изменилась. Коля совершенно забыл, что ещё совсем недавно хотел стать шофёром, а немного раньше - паромщиком. Теперь он твёрдо знал, что будет лётчиком, и только лётчиком.

Потом началась война, и все люди должны были на время отложить свои мечты, надо было сперва победить врага. И Коля тоже отложил свою мечту, но не забыл о ней.

Однажды он со своей частью штурмом брал небольшой венгерский город, в котором засели немецкие фашисты. И хотя шёл горячий бой, Николай Яковлевич успел заметить на окраине города несколько самолётов.

После боя солдатам и офицерам дали немного отдохнуть в этом городе, помыться, поесть, отоспаться.

Но спать Коля, конечно, не стал. Почистил и смазал свою пушку, умылся сам, перекусил побыстрее и, спросив разрешения у командира, бегом отправился поглядеть на те самолёты.

Глава одиннадцатая

Коля-лётчик

Вот они.

Стоят на краю огромного ровного поля-аэродрома, а кругом - ни одной живой души.

Коля кружил около этих, таких привлекательных, машин и даже поглаживал их ласково по нагретым солнцем бокам.

Это были спортивные самолёты. Только летать они не могли. Крылья у них были сняты и лежали рядом в специальных ящиках. Но ведь и Николай Яковлевич не собирался летать - так, только посмотрит, и всё.

Парашютист-десантник Исаев уже много раз бывал в воздухе, летал на разных самолётах, прыгал с парашютом, но никогда ещё не заглядывал в кабину пилота и тем более не сидел в его кресле. А так хотелось!..

Коля оглянулся. Если поблизости действительно никого нет, то он, пожалуй, заберётся в кабину.

Никого.

Коля поставил ногу на специальную ступеньку и через несколько секунд уже сидел на месте лётчика.

Сколько же перед ним оказалось разных непонятных приборов с белыми стрелками, сколько рычажков, кнопок!

Ноги Николая Яковлевича упирались в какие-то педали. "Чтоб рулить", догадался он, легонько нажал на левую педаль, за спиной его что-то скрипнуло, и, оглянувшись, он увидел, как большая лопасть на хвосте самолёта повернулась влево. Коля нажал на правую педаль, и лопасть повернулась вправо.

"Ясно! - обрадовался он. - Как на пароме весло!"

Теперь можно было лететь, и Коля полетел. Как будто полетел. Самолёт, конечно, продолжал стоять на месте, но Николай Яковлевич представил себе, что летит над высокими горами, покрытыми снегом, потом - над морями; пролетев их, он полетел над лесами, полями, и вдруг... вдруг кто-то очень громко произнёс за его спиной:

- Здравствуй! До свидания! Пожалуйста! Спасибо!

Коля мигом схватился за автомат.

Внизу, на траве, у самолёта стоял пожилой мужчина с седыми усами.

- Вы кто? - И Коля специально приподнял свой автомат, чтобы тот, с усами, видел, что он вооружён. - Кто вы?!

Незнакомец заулыбался, ткнул пальцем себя в грудь и прокричал, смешно коверкая русские слова:

- Я есть один мужчина, один старый мадьяр.

Ему казалось, что, если он будет говорить очень громко, его будет легче понять.

- Ясно, - кивнул Николай Яковлевич и спрыгнул на зелёную траву. Мадьяр по-нашему - венгр. - Автомат Коля продолжал держать наготове. - А откуда знаете русский язык?

- О! - радостно воскликнул усатый. - Я понимайт русский давно! Ещё пятнадцатом годе, молодой, я попадал русский плен. Это ещё первый война. Я жил русский город Кострома. Хороший город! Добрые люди! Я любит русский человек. Я не любит фашист. Фашист не есть человек.

- Это точно, - согласился Коля. - Какие же они люди?

- Я не любит фашист, - повторил усатый и спросил, показав на самолёт: - Ты хотит летит?

Николай Яковлевич усмехнулся:

- Я бы не против. А как на нём полетишь? Крыльев-то нет.

- Крыльев нет - летать не можно, - согласился старый венгр, но хитро поднял вверх палец: - Летать не можно - кататься можно!

Коля заволновался:

- А как?!

- Я есть их мотор-майстер, - гордо сказал старый венгр и похлопал ладонью по самолёту. - Я - заводить, ты - кататься. Хорошо-пожалуйста?

- Пожалуйста, - неуверенно пожал плечами Николай Яковлевич. - Можно попробовать. - Ему, конечно, очень хотелось покататься на самолёте, хотя бы по земле, порулить, и всё.

Мотор-майстер что-то сделал с мотором, потом забрался в кабину, на что-то там нажал, и вдруг... вдруг самолётный винт шевельнулся, повернулся разок, ещё разок, ещё, выстрелил

дымным облачком и... завертелся. Быстрее, быстрее, быстрее. Скоро винта не стало видно, он превратился в сплошной блестящий круг.

Моторист поманил Колю в кабину, прокричал ему в ухо и показал, на что нажимать, чтобы мотор работал ещё быстрее, и самолёт покатился вперёд. И как поворачивать - показал, и как его потом останавливать. Показал и спрыгнул на землю.

- Давай-давай! - закричал он Коле снизу и помахал рукой.

Николай Яковлевич закусил от волнения губу, прищурился и двинул нужный рычаг вперёд, как показал ему старый моторист.

Мотор оглушительно выстрелил, чихнул, завертелся, как бешеный, и самолёт покатился по зелёной траве аэродрома.

Быстрее... быстрее... быстрее.

- Ура-а-а! - завопил Коля от радости и попробовал повернуть самолёт вправо. Послушная бескрылка повернулась. - Ура-а-а! - снова завопил Коля и повернул направо ещё раз. Он возвращался на то место, где оставил старого мотористa. В эти минуты Николай Яковлевич чувствовал себя настоящим лётчиком.

Но теперь мотор-майстер уже не улыбался, а испуганно махал руками, показывал куда-то, хотел что-то объяснить.

Коля заглушил мотор и в тишине услышал, как где-то гудит другой самолётный мотор.

Коля поднял голову - в небе не было никаких самолётов, а старый мадьяр, побледнев от страха, показывал на другой край аэродрома, где стояли большие авиационные ангары, и шёпотом повторял только одно русское слово:

- Там!.. Там!.. Там!..

Остальные русские слова он, наверное, от испуга забыл.

- А ну спокойно! - прикрикнул Коля. - Где? Кто? Что?!

Но седоусый не мог трясущимися губами произнести ни слова и только тянул руку в сторону ангаров. Там можно было разглядеть каких-то людей. Они бегали у больших ворот, заносили внутрь какие-то длинные ящики, снова выбегали, суетились, видимо, спешили.

Отсюда было трудно разглядеть, но Коле показалось, что одеты они в серо-зелёную военную форму.

- Немцы, что ли? - спросил он.

- Да, да, да! - зашептал старый мадьяр. - Там есть фашист! - Теперь он вспомнил и другие русские слова и торопился объяснить Коле: - Там плохой немец, там фашист-немец! Он хотит убегайт, он хотит улетайт! Ты его ловит - он не бегит, ты его не ловит - он бегит! Пожалуйста!.. Спасибо!..

И Николай Яковлевич понял: у ангаров - фашисты, они хотят скрыться, их надо задержать.

Но как?!

Не станет же он стрелять в них отсюда из автомата - во-первых, далеко, не попасть, а во-вторых, выстрелы могут только спугнуть их.

Что делать?! Что делать?!

Вдруг старый мадьяр спрятался за Колину спину и, показывая оттуда рукой в поле, зашептал так тихо, как будто немцы у ангаров могли его услышать:

- Там... там! Фашист-шишка, большой фашист!.. Там...

Через поле к ангарам мчалась длинная чёрная машина. Серо-зелёные фигурки засуетились, забегали, будто только её и ждали, стали открывать широкие ворота.

Из чёрного автомобиля вылез какой-то длинный человек и быстро прошёл в ангар.

- Давай-давай! - шёпотом закричал мотор-майстер прямо в ухо Николаю Яковлевичу. - Ты не ловит - он бегит! Давай-давай!

- А как давай?! - в отчаянии простонал Коля. В это время он увидел, как из распахнутых ворот ангара медленно стал выезжать большой двухмоторный самолёт. - Как давай?! - Но вдруг, вспомнив что-то, Коля крикнул старому мадьяру: - Мотор давай! Заводи давай!!

Ему пришёл на память один замечательный случай.

Ещё в самом начале войны, когда фашистские самолёты по ночам бомбили Москву, среди наших лётчиков храбро сражался в воздухе один паренёк. Звали его Витя, фамилия - Талалихин.

Однажды в ночном бою у него кончились все патроны, а вражеский самолёт уже прорвался к Москве, чтобы сбросить там свои смертоносные бомбы.

И тогда этот паренёк, Витя Талалихин, направил свой маленький истребитель прямо на огромный вражеский бомбардировщик. Стрелять Вите было нечем, и он ударил своим самолётом фашиста в хвост.

Бомбардировщик рухнул на землю и взорвался на тех самых бомбах, которые приготовил для мирных жителей.

Наш истребитель тоже упал, но Витя в ту ночь успел спастись на парашюте.

Наутро вся страна узнала о замечательном подвиге Виктора Талалихина, которому присвоили звание Героя Советского Союза.

Теперь и Николай Яковлевич знал, что ему делать.

Мотор его бескрылого самолётика уже работал. Сейчас... Сейчас и он кое-что попробует. Только бы успеть, только бы успеть.

Коля снова вспомнил о Викторе Талалихине.

- Ну погоди! - прошептал он и до конца повернул рукоятку

газа вперёд. Маленький бескрылый самолёт тронулся с места и начал разгоняться.

А тяжёлая фашистская машина уже выруливала на бетонную полосу. Сейчас она разгонится и взлетит, и значит, удерут враги, которым нельзя позволить удрать.

Громадный фашистский самолёт бежал по бетону, всё увеличивая скорость, а лёгонькая Колина бескрылка спешила, торопилась ему наперерез.

Кто быстрее?! Кто быстрее?! Кто быстрее?!!

Фашисты думали, что они всех перехитрили и уже никто им не помешает скрыться.

"Только бы скорее взлететь!" - думали они. Ведь эти фашисты хорошо понимали, что если их поймают, то обязательно станут судить, а потом строго накажут за всё зло, которое они причинили людям.

Теперь Колина бескрылка подпрыгивала по траве совсем рядом с бетонной полосой, а по гладкому бетону стремительно разгонялся фашистский самолёт.

В эти секунды Коля даже не думал об опасности.

Он уже было решил обогнать самолёт врага, выкатиться перед его носом и преградить путь беглецам, но тут же раздумал: а вдруг его самолётик проскочит мимо и тогда фашисты смогут взлететь?!

"Нет, - быстро соображал Коля. - Надо как-то по-другому..."

Сейчас оба самолёта катились рядом друг с другом.

Внезапно прозрачный козырёк перед Колиными глазами прошили вражеские пули - это фашисты заметили Николая Яковлевича и открыли по нему огонь из автоматов.

И тут Коля поступил так, как Виктор Талалихин.

Правда, у Колиного самолёта не было крыльев, так ведь фашистская машина тоже ещё не оторвалась от земли.

Коля дал мотору самые большие обороты, и его маленькая бескрылка бросилась на самолёт врага.

На миг Коля увидел перепуганные лица фашистов. Потом их знак свастику, похожую на раскоряченного паука, сидящего в белом кругу на хвосте самолёта.

Наверное, такого же отвратительного паука увидел в московском небе Виктор Талалихин, когда бросил свой истребитель на вражеский бомбардировщик.

И маленькая бескрылка отчаянно врезалась в огромный хвост фашистского самолёта, ударила по свастике винтом, мотором, всей своей небольшой тяжестью.

Коля успел услышать грохот, треск, успел почувствовать запах горелого металла, в лицо ему плеснуло горячее масло, он

ударился обо что-то головой и... потерял сознание.

Очнулся он уже на зелёной траве.

Над ним хлопотал молодой солдат.

- Ты кто? - спросил Николай Яковлевич.

- "Кто-кто"! - повторил солдат женским голосом. - Санинструктор, вот кто.

Только тут Коля разглядел, что этот солдат - девушка.

- А чего ты тут делаешь? - спросил Николай Яковлевич.

- "Чего-чего"... - обиделась девушка. - Тебя спасаю, вот чего.

Николай Яковлевич даже удивился:

- А чего меня спасать?!

Теперь удивилась девушка-санинструктор:

- Как это, чего?! - У неё даже поднялись брови. - Ты же раненый! - И она поднесла к Колиному лицу своё круглое зеркальце: - Погляди-ка!

Из зеркальца на Николая Яковлевича смотрел незнакомый, забинтованный младший сержант с разбитым носом и синяком вокруг левого глаза.

Наверное, Николай Яковлевич разглядывал бы себя и ещё, но вдруг девушка-санинструктор вскочила, как пружина, и звонко доложила:

- Товарищ гвардии генерал! Младший сержант, не знаю, как его фамилия, очнулся и разговаривает!

- Исаев его фамилия. - Генерал присел на корточки рядом с Колей. - А звать его, как меня - Николай Яковлевич. Ну, гвардеец, как себя чувствуешь?

Коля хотел было тут же вскочить и крикнуть: "Нормально, товарищ гвардии генерал!" Но генерал придержал его рукой:

- Пока полежи, Николай Яковлевич, отдышись. Ты хоть знаешь, кого задержал?

Но Николай Яковлевич вообще не помнил, что с ним произошло. Он, видно, так сильно ударился, что сейчас никак не мог понять, о чём его спрашивают, почему у него забинтована голова и даже где он находится.

Коля с трудом скосил глаза и увидел в стороне десятка два фашистских офицеров в шинелях серо-зелёного цвета и среди них того длинного, которого мотор-майстер назвал большой фашистской шишкой.

Пленных охраняли наши солдаты.

Сейчас фашисты уже не суетились, и вид у них был довольно унылый.

- Очень опасные преступники, - сказал генерал, посмотрев в их сторону, и вдруг спросил Колю: - Одного понять не могу, как ты-то здесь оказался, да ещё на самолёте?

Коля смутился, покраснел даже и признался:

- Виноват, товарищ гвардии генерал, очень покататься захотелось. Виноват...

- Что захотелось?! - не поверил своим ушам генерал.

- Покататься, - повторил Коля со вздохом. - Порулить.

Тут фашисты испуганно вздрогнули и посмотрели туда, где лежал отважный гвардеец. Они никогда ещё не слышали такого богатырского хохота. Это хохотал генерал Николай Яковлевич Зубарев. Хохотал громко, заразительно, до слёз.

И снова, как тогда, давно, когда оба Николая Яковлевича ещё только познакомились, вслед за генералом стали смеяться те, кто стоял поближе, потом те, кто стоял подальше, потом захихикала девушка-санинструктор, а вслед за всеми смех разобрал и Колю Исаева. Он смеялся, сам не понимая почему, и с каждой минутой чувствовал себя всё лучше и лучше.

Глава двенадцатая

Немецкий язык

Шло время, шла война.

Наша армия освобождала от фашистов всё новые города и целые страны.

Теперь Коля Исаев немного прихрамывал: в одном бою его ранило в левую ногу, но в госпиталь ехать он отказался.

- Что вы, в самом деле?! - возмутился он. - Войне скоро конец, а я буду в госпитале отдыхать и не увижу, как она кончится?! Дудки! Буду воевать до полной победы и сам эту войну прикончу!

Никто не стал ему возражать. А что спорить, если он прав?

К этому времени наша армия уже очистила от фашистов Венгрию и привела военная судьба младшего сержанта Исаева вместе с его гвардейской частью в другую страну - Австрию.

Будь у Николая Яковлевича свободное время, он, наверное, полюбовался бы и на высокие горы Альпы, которых никогда не видал, на их голубые снежные вершины, на зелёные альпийские луга, по которым никогда не гулял, на синие озёра, на дома под красными черепичными крышами, - не страна, а сказка... Если б не война, если бы не горели эти красивые дома, не гибли люди!

"Эх! - думал Николай Яковлевич. - Сюда, в эту Австрию, хорошо бы не воевать приехать, а в гости!.. Вот тогда можно было бы погулять не спеша по горам, покупаться в озёрах, пособирать в лесах грибы, подружиться с австрийскими ребятами и девчатами. А приходится вот доколачивать фашистов, освобождать от них и эту страну".

Здесь, в Австрии, все жители говорили по-немецки, и Николай Яковлевич решил попробовать поговорить с ними на их языке.

Правда, Коля немного опасался, потому что хорошо помнил отметку, которую ему поставила их учительница Альбертина Александровна за его "ушасный немецкий язык".

- Ах, Исаеф, Исаеф! - огорчалась тогда милая Альбертина Александровна. - Фы такой способный малыш и так не люпите немецкий язык! Когда-нипуть фам очень нушен пудет этот язык, фы станете вспоминать вашу Альпертину Александровну, но пудет поздно... Ах, Исаеф, Исаеф! Ставлю вам очень серенькую отметку "миттельмейсих" - "посредственно".

И всё-таки теперь Николаю Яковлевичу очень хотелось поговорить по-немецки с кем-нибудь из местного населения.

В каком-то небольшом австрийском городке он подошёл к одной симпатичной старушке и громко сказал:

- Гутен таг!

Эти немецкие слова Коля отлично помнил, они означали "Добрый день!", и их учительница Альбертина Александровна всегда, входя в класс, произносила с улыбкой:

- Гутен таг!

Коля точно так же улыбнулся этой незнакомой австрийской старушке, но она почему-то побледнела и даже отскочила от Коли.

Что такое?! Может, он неправильно произнёс по-немецки это дружеское приветствие? Или старушка глуховата и не поняла его?

Коля постарался и вспомнил ещё три немецких слова:

- Шпрехен зи дойч?

Испуганная старушка ещё больше удивилась этому вопросу - русский военный спрашивал, говорит ли она по-немецки. Смешно! Да этот язык - её родной язык, в Австрии все говорят только по-немецки.

Смешно! Но испуганной старушке было сейчас вовсе не до смеха. Фашисты рассказывали столько страшных историй про русских солдат! Что ей теперь делать?!

"Ясно, глухая, бедняжка", - решил Коля Исаев и крикнул старушке прямо в ухо что было силы:

- Шпрехен зи дойч?

Старушка совсем растерялась и поспешно закивала:

- Яволь, яволь! Натюрлих!

Николай Яковлевич вспомнил, что означают эти слова. "Конечно, конечно! Естественно!" - сказала старушка.

Коля снова улыбнулся симпатичной старушке и вспомнил ещё одно слово: "Данке!" - что по-русски означало "спасибо".

Вспомнил Коля и что говорят по-немецки, когда прощаются "Ауфвидерзеен", то есть "До свиданья", но говорить этого не стал: зачем же прощаться, когда ещё можно побеседовать?

От Колиной улыбки старушка вроде бы осмелела и потянулась руками к его стриженой голове, сказав при этом:

- Гибен зи мир битте дайне копф!

Слова эти Коля не понял, но голову наклонить догадался.

Старушка быстро ощупала Колину голову своими дрожащими пальцами со всех сторон, сказала:

- Гут! - и... заплакала.

Плакала она от радости. Оказывается, фашисты пугали их, говорили, что у всех советских солдат есть рога, но никаких рогов она у этого улыбающегося русского парнишки не обнаружила.

А тут ещё Николай Яковлевич решил угостить австрийскую старушку солдатским чаем с сахаром и чёрным хлебом.

Он принёс из солдатской кухни котелок чая и спросил:

- Как будете, фрау, пить, внакладку или вприкуску?

А так как старушка ничего не ответила, потому что ничего не поняла, Коля сам бросил в её кружку большой кусок солдатского сахара:

- Внакладку слаще! Пейте, фрау, угощайтесь и хлеба нашего солдатского отведайте.

Старушке стало страшно, ведь у них в Австрии никто никогда не видел чёрного хлеба. Но русский солдат с таким аппетитом жевал его сам, что и старушка решила рискнуть. Откусила - ничего. Откусила ещё - вполне приличный хлеб. Ещё откусила и поняла, что никогда не пробовала такого вкусного хлеба.

- Данке, - поблагодарила она.

- Битте, - ответил Коля, что означало "пожалуйста". Это было последнее немецкое слово, которое он вспомнил, и Коля решил, что вот кончится война и он обязательно выучит немецкий язык полностью, а может быть, и ещё каких-нибудь два-три - ну там английский, французский, испанский... А то мало ли с кем ещё захочется поболтать за чаем.

И австрийская старушка очень жалела, что не знает русского языка, а то бы она сказала этому солдату: "Спасибо, сынок! Спасибо, милый! Ты на меня не сердись, что я тебя сперва испугалась".

Старушка протянула свою морщинистую руку и погладила Колю по голове, как это сделала когда-то Прасковья Кузьминична.

И захотелось Коле написать письмо в далёкую Россию...

Глава тринадцатая

Письмо

Дорогая и многоуважаемая Прасковья Кузьминична!

С солдатским, гвардейским приветом к вам ваш знакомый Николай Яковлевич Исаев.

Помните, я рассказывал вам про своих родных: мать Надежду Михеевну, отца Якова Степановича, сестрёнку Катю, про бабушку с дедушкой и про двоюродного брата Анатолия.

Сообщаю вам, что теперь их никого у меня не осталось. Всех поубивали проклятые фашисты, а дом сожгли, и теперь там одни головешки да пепел. Живой остался только мой брат, с которым мы похожие как две капли воды, хоть он и двоюродный. Мы с ним встретились совсем случайно в бою у нашего родного дома, а когда опять увидимся, не знаю.

Фашистов мы, конечно, разобьём, это не сомневайтесь. А за меня не беспокойтесь, меня не убьют, не могут убить, хотя уже разок легко ранили, но это ничего, до свадьбы заживёт.

А останусь живой, повидаемся ещё, если, конечно, не возражаете. Починю у вас погреб и сарай малость поправлю, а то тогда не успел. Ещё надо у вас починить забор. И ещё - чего не заметил.

Всего вам хорошего, а главное - здоровья и долгих лет жизни!

Остаюсь ваш знакомый фронтовик, гвардии младший сержант Исаев Николай Яковлевич.

И ещё сообщаю вам, что отсюда, откуда пишу, уже видать австрийский город Вену. Там ещё сидят фашисты, но мы их скоро и оттуда прогоним, а там недолго и до конца всей войны.

А как фашистов нигде не останется, настанет мир на долгие годы. Думаю, навсегда!

Шлю вам свой сердечный привет и поклон, кланяются вам и мои боевые друзья и командиры. Наш генерал тоже вам кланяется.

Остаюсь ваш знакомый Николай, который свалился с неба к вам на крышу.

До скорого свидания.

14 апреля 1945 года.

Николай Яковлевич сложил листочек наискосок, потом ещё раз, загнул полоску снизу, и получился у него аккуратный треугольник. Коля написал на нём адрес Прасковьи Кузьминичны и отдал своё письмо нашему военному почтальону.

Про генерала Коля, конечно, придумал, но, если бы тот даже узнал об этом, он бы не стал сердиться на тёзку, а, наверное, похвалил бы его, ведь привет получит солдатская вдова в далёкой России.

Глава четырнадцатая

Ответ с Родины

В столице Австрии, городе Вене артиллеристы расположились в знаменитом Венском лесу.

После жестоких боёв нас отвели сюда на отдых.

Это было в конце апреля 1945 года. Война ещё не кончилась.

В то утро повар Фарид Шамшиев сварил для нас на завтрак любимую Колину еду - рисовую кашу.

Только Коля уселся со своим котелком на пенёк и уже достал ложку, как услышал знакомый голос нашего почтальона:

- А ну, Исаев Николай Яковлевич, пляши - тебе письмо!

- От кого бы? - заволновался Коля и открыл конверт.

Дорогой мой Коленька!

Получила твоё письмо, за которое большое тебе спасибо!

В эту секунду Коле показалось, что листок бумаги, который он держит в руках, пахнет, как всегда пахло в избе Прасковьи Кузьминичны, - молоком, чистым полом и свежим хлебом... Он стал читать дальше:

...Ты пишешь, что немного осталось и войне конец, что скоро вы разобьёте последних фашистов и настанет мир на долгие годы и даже навсегда.

Уж прямо сказать не могу, как мы все тут этого ждём!

Сколько горя принесла людям эта война, сколько безвинных людей поубивали эти фашисты, сколько крови пролили!.. Вот и у тебя, сыночек, никого родных не осталось. Утешать тебя не буду, горю этим не поможешь.

На моего сына Петю тоже похоронка пришла. Пишут, погиб смертью храбрых.

Уж я так плакала-горевала, сколько слёз пролила, сколько ночей не спала и вот что надумала: стану тебя, Колюшка, просить. Теперь у тебя никого не осталось, и я, старая, одна-одинёшенька. Так ты, как кончишь войну, приезжай ко мне, и стану я тебе заместо матери, а ты мне - заместо сына.

Я и так уже полюбила тебя, сыночек, а теперь стану любить ещё больше.

А твои родные и мой Петенька всегда будут жить в нашем сердце вечная им память!

Приезжай только поскорей.

Обнимаю тебя от всего своего материнского сердца и с нетерпением жду.

Остаюсь твоя мама Прасковья Кузьминична.

Два раза прочитал Николай Яковлевич это письмо.

То он думал, что никого у него на свете не осталось, кроме брата-партизана, а теперь - вот...

Он аккуратно сложил письмо Прасковьи Кузьминичны и спрятал в карман, чтобы не потерялось, а карман заколол булавкой.

От этого письма стало ему всё-таки немного полегче, потому что у каждого человека должен быть кто-то, кто его ждёт.

Глава пятнадцатая

В городе Вене

Ах, каким прекрасным, каким красивым городом была эта Вена!

А знаменитый лес вокруг!

Недаром замечательный австрийский композитор Иоганн Штраус свой самый любимый вальс назвал "Сказки Венского леса".

Жаль только, что война оставила следы и на красивых домах, и на старых деревьях, да и многих жителей Вены не пощадила.

Теперь здесь было тихо, очень тихо...

- Младший сержант Исаев! - окликнули Колю.

- Я.

- Ты кинофильм "Большой вальс" смотрел?

- Смотрел, а что?

- Помнишь, там Венский лес был?

- Помню, а что?

- Так вот же он - тот лес, живой! Айда поглядим.

И минут через десять мы уже вступали в тишину Венского леса.

Над нами слегка покачивались вековые сосны, пели соловьи, и как будто не было никакой войны, хотя мы знали, что где-то на севере ещё рвутся с грохотом снаряды, свистят пули, гибнут люди. Но нам после тяжёлых боёв приказали отдыхать, и мы отдыхали, чтобы набраться сил для последнего наступления на фашистов.

Под толстенными деревьями росли замечательные цветы, а между ними то здесь, то там в каменных гротах жили маленькие добрые гномы в смешных разноцветных колпачках. Все они занимались какими-то своими добрыми делами: гномы-кузнецы били молоточками по наковальням, гномы-шахтёры откапывали лопатами уголь и красивые камни, гномы-музыканты играли на скрипках и барабанах...

Ну конечно, ты уже догадался, что это были не настоящие живые гномы, потому что гномы бывают только в сказках. А этих сделали жители города Вены, чтобы чувствовать себя в своем лесу, как в сказке. Они вылепили этих смешных и симпатичных человечков из глины, раскрасили яркими красками и очень любили встречаться с ними, когда приходили погулять по дорожкам Венского леса.

Но началась война, и жителям Вены пришлось забыть о своих любимцах. Они перестали за ними ухаживать, сажать вокруг них красивые цветы, подстригать кусты, выметать старые листья. Краска на гномах потрескалась и облезла, они покрылись пылью

и заросли травой.

А весной 1945 года здесь снова раздались весёлые голоса. Это сюда пришли погулять и немного отдохнуть усталые советские солдаты. Среди них слегка прихрамывал невысокий рыжий паренёк. Ну конечно, это был наш старый друг Коля Исаев.

Он бродил с друзьями по аллеям и знакомился с маленькими глиняными человечками и в шутку здоровался с ними, как с живыми: "Здорово, барабанщик!", или "Здравия желаем, скрипач!", или "Будь здоров, шахтёр!..".

Иногда Коля встречал здесь и местных жителей. Он бы с удовольствием поздоровался и с ними, но все они старались обойти подальше наших солдат, потому что боялись их, уж очень много страшных небылиц рассказывали фашисты про советских воинов, а сами, убегая из Вены, увезли всё продовольствие, и в городе наступил голод. Голодали все: и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Голодал весь огромный город.

Николай Яковлевич очень удивился, когда старшина Набатов сказал ему:

- Кончай, гвардеец, отдыхать. Давай, прогуляйся на кухню. Обед готов.

- Так я уже обедал, спасибо, - улыбнулся Коля. - Я сыт.

- Может, ты и сыт, - строго сказал старшина, - а люди здешние голодные. Поможешь повару местное население кормить, а то погибнут они без нас, и дети ихние погибнут.

Полевая солдатская кухня - это такой большой котёл на автомобильных колёсах, к которому снизу приделана специальная печка. В этой кухне можно приготовить любую еду: суп, кашу, компот, кисель.

Ну, разумеется, одной кухни не могло хватить на такой большой город, как Вена, и поэтому на его улицы выехало много солдатских кухонь на колёсах. Точно не скажу сколько, но наверняка очень много, ведь нужно было накормить стольких людей, да ещё дать каждому по куску хлеба, а детям и по куску сахара.

Когда Коля Исаев и гвардейский повар Фарид Шамшиев приехали со своей полевой кухней на одну из площадей Вены, их там уже ждали. Австрийцы окружили кухню, протягивали свои кастрюльки, миски, пустые консервные банки, кружки и что-то кричали.

И опять Коля пожалел, что плохо выучил в школе немецкий язык.

Первым получил свою порцию какой-то небритый, худой австриец. Он опирался на толстую палку, потому что у него была больная нога. Коля, конечно, не мог знать, что этот хромой

"австриец" был немецким фашистом и воевал против нашей страны. В ногу его ранили в боях за Ленинград.

Тогда в окружённом Ленинграде люди умирали от голода и холода, а этот небритый в те дни только радовался.

- Очень хорошо, что там нечего есть, - говорил он. - Пусть слабеют, слабых легче победить.

Но голодные ленинградцы оказались сильнее сытых фашистов.

Теперь этот небритый пришёл со своей мисочкой к нашей кухне.

Повар Фарид Шамшиев вовсю работал своим черпаком, а Коля ещё давал каждому вдобавок по ломтю чёрного хлеба.

Но вот котёл опустел, очередь разошлась и площадь опустела. Только на каменной ступеньке возле фонтана сидел какой-то бледный мальчик, скрёб в своей банке ложкой, но уже ничего не мог выскрести - всё съел.

Глядя на него, Коля вспомнил свою сестрёнку Катю...

"Чего бы ему ещё дать?.." - подумал Коля. Хлеб у него уже весь кончился.

На счастье, у Фарида нашлось ещё полкуска сахара. Коля присел перед мальчиком и протянул ему сахар.

Мальчик смотрел на Колю, но сахар не брал, боялся, наверное. Тогда Коля сам вложил белый кусок в его маленькую ладонь.

- Данке... - очень тихо поблагодарил мальчик, но не стал сразу есть сахар, а положил его поглубже в карман.

"Домой понесёт, - догадался Коля. - Сестрёнке или братишке, а может, кому из родных. Может, хворает у него кто".

И вдруг Николай Яковлевич придумал, чем ещё можно порадовать мальчика.

- Секундочку! - сказал он. - Айн момент!

Он достал из машины свой острый топор, с которым никогда не расставался, и сухое берёзовое полено.

При виде топора мальчик сначала испугался, но потом успокоился русский солдат стругал им кусок дерева.

- Айн момент... айн момент... - приговаривал Николай Яковлевич, и на глазах мальчика из-под Колиного топора постепенно рождался небольшой стройный кораблик.

Николай Яковлевич заострил кораблику нос, закруглил корму и вставил в неё плоскую щепочку. Он не знал, как назвать эту щепочку по-немецки, и сказал её русское название:

- Руль! Чтобы ровно плавал.

Но австрийский мальчик, оказывается, сам уже догадался, что это руль, только назвал его по-немецки:

- Штоер!

- Верно! - обрадовался Николай Яковлевич. - Штоер! - хотя слышал это слово первый раз в жизни. - А по-русски - руль. Понял?

Он вставил в кораблик высокую мачту, соорудил из кусочка бумаги парус, секунду полюбовался своим изделием и протянул его мальчику.

- Плыви! - Николай Яковлевич лёг животом на каменный парапет фонтана и опустил свой кораблик на воду.

Судёнышко неуверенно повернулось чуть вправо, потом чуть влево. Лёгкий весенний ветер слегка дунул в его бумажный парус, и маленький кораблик поплыл, как настоящий.

А мальчик смотрел ему вслед, и, наверное, ему казалось, что сам он сейчас стоит на палубе корабля, ветер надувает большой белый парус над его головой и несёт его куда-то в счастливое дальнее плаванье.

Глава шестнадцатая

Орден

Это был замечательный день. Во-первых, Первое мая, во-вторых, весна, какой никто не помнил - ранняя, буйная, неистовая.

Той весной раньше срока полопались почки и зазеленели деревья, раньше срока распустились цветы и пахли так, что у всех кружилась голова.

Война вот-вот должна была кончиться, это уже было ясно всем.

А теперь послушай, что в этот день произошло с Николаем Яковлевичем.

Рано утром старшина Набатов вызвал к себе младшего сержанта Исаева.

- Какой сегодня день, помнишь? - спросил строгий старшина.

- Так точно! - ответил Николай Яковлевич. - Первое мая. Праздник. Первое мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

- Верно! - согласился старшина. - А какой у вас подворотничок?

- Свежий! - доложил Коля. - Пришил вчера утром.

Старшина Набатов обошёл Николая Яковлевича со всех сторон, внимательно оглядел его с головы до ног и приказал:

- Подворотничок заменить, чтоб был ещё свежее!

Коля удивился, но спорить не стал, потому что приказ командира закон для подчинённого. А старшина продолжал:

- Сапоги чтоб блестели, как нос у Бобика. Пряжка чтоб сверкала ярче солнца, а ты сам, гвардеец, чтоб сиял, как медный таз! Даю на все дела ровно пятнадцать минут. Ясно?

Через пятнадцать минут старшина лично проверил белизну Колиного подворотничка и своим носовым платком лично дотронулся до Колиных сияющих сапог.

- Порядок в десантных войсках! - сказал он.

И ровно к девяти часам двадцати минутам младший сержант Исаев прибыл в штаб своей части.

Только он успел стать в строй под старыми деревьями, как грянул духовой оркестр, и к гвардейскому знамени вышел Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Николай Яковлевич Зубарев.

- Товарищи гвардейцы! - сказал генерал. - Дорогие мои солдаты. Я называю солдатами и рядовых, и сержантов, и офицеров, потому что нет сегодня звания выше, чем СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ!

Сегодня я вручу вам, солдаты, награды Родины! Война со дня на день кончится, но вы носите их с честью всю свою жизнь в память о вашей победе над проклятым фашизмом, в память о товарищах ваших, павших в боях с врагом!

Будьте счастливы, мои боевые друзья!

Ну а потом началось вручение орденов и медалей.

Гвардейцы, браво печатая шаг, выходили к своему генералу. "Батя" вручал им награду, пожимал руку, поздравлял.

- ...Алсаткин Еремей Архипович!

- Я!

- ...Барбазюк Павел Григорьевич!

- Я!

- ...Волков Леонид Ананьевич!

- Я!

- ...Лобач Василий Кононович!

- Я!

Подошла очередь и Коли Исаева.

- Исаев Николай Яковлевич! - громко произнёс генерал, и в следующую секунду с Колей произошла беда. Он совершенно забыл, что рана его ещё не совсем зажила.

- Я! - лихо выкрикнул Коля и, наверное, чересчур широко шагнул раненой ногой, потому что громко вскрикнул: - Ой! - и чуть было не сел от боли на землю.

Это происшествие длилось не больше секунды, но генерал успел всё заметить и понять.

- Стой, гвардеец! - скомандовал "батя" и парадным строевым шагом сам подошёл к раненому солдату. Он остановился против него, вскинул руку к козырьку и громко, чтобы слышали все, произнёс: - Гвардии младший сержант Исаев Николай Яковлевич! За героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-

фашистскими захватчиками, вы награждаетесь орденом Славы третьей степени!

И хотя Коле было сейчас совсем не легко, он всё-таки улыбнулся своему генералу и бодро ответил:

- Служу Советскому Союзу!

Тут генерал осторожно обнял его и тихо сказал:

- Терпи, сынок. До свадьбы заживёт.

Глава семнадцатая

Последний выстрел

И всё-таки Коле было немного обидно. Ну как же так?! Он прошёл, можно сказать, всю эту жестокую войну, освобождал от фашистов свою Родину, очищал от них Венгрию и Австрию, а теперь, когда война должна вот-вот закончиться, его гвардейскому полку приказано оставаться в городе Вене, и он даже не услышит, как прозвучит самый последний выстрел, не увидит своими глазами, как наступит мир. А он так этого хотел!..

Но приказ есть приказ.

И вот Николай Яковлевич прогуливается по венским улицам, площадям, паркам, а вечерами даже смотрит кино.

Так прошло немного времени, всего четыре дня, как вдруг 5 мая 1945 года фронтовые радисты услышали в своих наушниках взволнованный мужской голос:

"Говорит Прага! Говорит Прага!!. Красная Армия, слушайте нашу передачу!"

Голос из столицы Чехословакии звал на помощь Красную Армию, а значит, и Николая Яковлевича, и его боевых друзей, его командиров.

Оттуда, из Праги, радио доносило до Вены далёкие выстрелы, взрывы, и звучал тревожный, но мужественный голос друга, попавшего в беду:

"...Германские войска с большим количеством танков и самолётов нападают на Прагу.

Шлём пламенный привет доблестной Красной Армии!

Нам нужна Ваша помощь!

Нам нужна поддержка Вашей авиации против германских войск, продвигающихся по направлению к Праге.

Прага не сдаётся оружию!

Прага не сдаётся!.."

Тут нельзя было раздумывать ни минуты - звали братья. И уже через час прекрасная Вена осталась далеко позади. Советские воины на машинах, повозках, танках, бронетранспортёрах, самолётах, мотоциклах - ехали, летели, мчались на помощь восставшему городу Праге.

Коля Исаев и тысячи таких же солдат, как и он, устремились

на север, туда, где сейчас чехи и словаки отражали атаки фашистов, а те хоть и понимали, что уже побеждены, но всё равно продолжали жечь дома, убивать женщин, детей и стариков - всех. Не щадили никого и ничего.

Наши шофёры гнали свои машины на самой большой скорости: надо было как можно скорее остановить бессмысленное кровопролитие, сделать так, чтобы оружие перестало стрелять и людям ничего не угрожало.

По пути наши воины обгоняли обозы немецких солдат, которые уже и сами не хотели воевать и уныло плелись по шоссе, мечтая хоть как-нибудь добраться к себе домой, в Германию. Они уже были совсем не рады, что начали эту войну, что когда-то поверили фашистам, будто немцы лучше всех в мире, а все прочие народы и не люди вовсе.

Теперь эти побитые завоеватели мечтали избавиться поскорее от своего оружия, которое продолжали тащить с собой, но бросить его всё ещё не решались.

Нам было некогда брать их в плен, мы так спешили, что только на несколько минут задерживались у немецких обозов и просто разбивали фашистское оружие о камни.

Разбивали и мчались дальше.

Вперёд! Короткий бой, и ещё один город спасён.

Вперёд! И ещё сотня немцев сдалась в плен.

Вперёд! И уже навстречу нам звучит музыка.

Если бы ты видел, как нас встречали освобождённые чехословацкие города!

Вот это было ликование!

Нас засыпали цветами, и скоро наши машины стали похожи на клумбы. Женщины и мужчины, старики и дети танцевали от радости, смеялись, пели, кричали:

- Наздар, братушки! Здравствуйте, братья!

Они старались угостить наших воинов повкуснее, но у солдат не было времени.

Вперёд! Только вперёд!

...Уже несколько часов мы видели на дороге перед нашей машиной следы фашистского танка, но догнать его нам никак не удавалось, танк всё время ускользал от нас, а там, где он только что проехал, горели разрушенные дома, стонали раненые, лежали убитые.

А может, они там, в танке, ещё не знают о том, что кончилась война, что в самом центре Германии, в Берлине, уже сдались фашистские главари и даже подписали специальный документ, который называется "Акт о безоговорочной капитуляции"?..

Наконец мы увидели этот танк. Он стоял на бугорке за

кустами. Видимо, в танке не осталось ни капли горючего, его мотор заглох, и мрачная стальная машина остановилась.

А издалека, и справа и слева, доносились радостные звуки далёких оркестров - люди повсюду праздновали своё освобождение, и только тут, за пятнистой бронёй, всё ещё, притаившись, пряталась опасность.

Пушка на заглохшем фашистском танке вдруг зашевелилась, будто искала, в кого бы выстрелить...

Мы на всякий случай залегли...

- Да нет, братцы, - сказал Николай Яковлевич. - Не может этого быть! Они там просто не знают, что войне конец. Надо им просто сказать об этом...

- А кто им скажет?

- Да хоть и я!

- А как ты им скажешь?

- Просто встану и крикну.

- А они не услышат.

- А я подойду поближе.

- А они выстрелят.

- А я помашу белым флагом.

- А где ты его возьмёшь?

- Привяжу нательную рубаху к палке, вот тебе и флаг.

- А что крикнешь?

- Что крикну?.. Мир, крикну. МИР!

- А они не поймут по-русски.

- А я - по-немецки.

- А как по-немецки "МИР"?

- Не знаю.

Но тут Коля увидел на траве листовку, которую сбросил немцам наш самолёт. В ней по-русски и по-немецки было написано: "ФРИДЕН - МИР!"

Коля очень обрадовался:

- Вот! Я крикну им "ФРИДЕН!!", и они поймут.

В следующую секунду он уже снял с себя гимнастёрку, потом белую нательную рубаху, привязал её к палке и поднялся во весь рост.

Мы продолжали лежать на траве, и, наверное, поэтому небольшой Коля Исаев казался нам сейчас снизу очень высоким.

Он слегка поёжился от весеннего ветерка и улыбнулся друзьям:

- Весна - весной, а зябко... Ну, пойду я...

И Коля пошёл к танку.

Он как можно выше поднял на палке свою белую рубаху.

- ФРИДЕН! - крикнул он и подумал: "Нет, они там в танке,

наверное, не слышат его".

Коля прошёл ещё шагов десять и крикнул снова:

- ФРИДЕН!!

Сейчас пушка танка была направлена прямо ему в грудь.

"Чего же они, глупые, не отвернут пушку? - подумал он. - Ведь в живого человека целятся".

Так он подумал и снова крикнул:

- ФРИДЕН!!!

В ответ на это пушка выстрелила.

Прозвучало и затихло вдали глухое эхо выстрела, а мёртвый Коля продолжал стоять.

Потом упал.

- КОЛЯ!!!

Мы бросились к нему. Мы забыли про танк, бежали во весь рост, не пригибаясь. Это как раз больше всего и напугало фашистов. Они в ужасе выпрыгивали из танка и исчезали в кустах.

А Коля лежал на зелёной, весенней траве и смотрел неживыми глазами в голубое небо.

Это действительно очень страшно, когда человек уже не живёт, а всё ещё как будто смотрит.

...Мы закрыли его глаза. Теперь казалось, что Коля спит.

Он был ещё совсем мальчиком.

Он успел всё-таки увидеть, как кончается война, и поэтому, наверное, его губы сейчас улыбались.

Мы похоронили его под старым дубом.

Позже, несколько лет спустя, чехи и словаки поставили на том месте каменный обелиск. А пока мы просто прибили к дереву крышку от снарядного ящика - всё, что у нас было, - и написали на ней:

ИСАЕВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1926 году - пал смертью храбрых

9 мая 1945 года.

...Он был ещё очень молодым - наш Коля.

Мы стояли и молчали, когда сзади остановилась машина. Из машины вышел наш генерал.

Он прочёл надпись над могилой, закрыл глаза, спросил:

- Как это?..

Ему рассказали.

- Кто у него есть на родине?

Генералу отдали конверт с письмом Прасковьи Кузьминичны, где был её адрес.

Он спрятал письмо в нагрудный карман.

- Я сам ей напишу.

Генерал опустился на колено и выше всех слов приписал:

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Он встал и поднял свой пистолет.

Мы подняли свои автоматы.

И над могилой нашего друга загремел салют.

Мы выпустили в небо весь наш боезапас, ведь война окончилась и больше он нам был не нужен.